

РУКОПОЖАТИЕ КИРПИЧА

И ДРУГИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
О ДЕВЯНОСТЫХ

ВИКТОР ШЕНДЕРОВИЧ КИРИЛЛ
НАБУТОВ ВЛАДИМИР ПОЗНЕР
АЛЕКСАНДР БУРАКОВ ОЛЬГА ГРЕНЕЦ
ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ ЛЕОНИД
ИЛЬИЧЕВ МАКСИМ КАНТОР ВАЛЕРИЙ
КОПНИНОВ АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ
ТАТЬЯНА МОСКВИНА АГЛАЯ
НАБАТНИКОВА СЕРГЕЙ НОСОВ
ЕВГЕНИЯ ОВЧИННИКОВА МИХАИЛ
ПЕРШИН АНДРЕЙ РУБАНОВ НИКОЛАЙ
СВИСТУНОВ ВИТАЛИЙ СИРОТА
ИРИНА СИСЕЙКИНА АЛЕКСАНДР
СОЛИН АРТЕМ СОШНИКОВ
АЛЕКСАНДР ЯКУТСКИЙ МИХАИЛ БЕРГ
МИХАИЛ БОРИСОВ НАТАЛЬЯ
ИВАНОВА АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВ
ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ САМУИЛ
ЛУРЬЕ КОНСТАНТИН КРИКУНОВ
АЛЕКСАНДР НИЛИН СЕРГЕЙ
ПОЛОТОВСКИЙ ДМИТРИЙ ТРАВИН

Сборник

**Рукопожатие Кирпича и другие
свидетельства о девяностых**

«ИП Князев»

2020

УДК 821.161
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сборник

Рукопожатие Кирпича и другие свидетельства о девяностых /
Сборник — «ИП Князев», 2020

ISBN 978-5-89091-539-9

Сборник составили рассказы, очерки, пьесы, стихотворения отечественных литераторов, посвященные жизни в России в 1990-е годы.

УДК 821.161
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-89091-539-9

© Сборник, 2020
© ИП Князев, 2020

Содержание

От издательства	5
I	6
Александр Бураков	6
Спартак	6
Ольга Гронец	10
Как вода	10
Продавать бананы	14
Дмитрий Данилов	17
Фёдор Черенков	17
Леонид Ильичёв	20
Командировка в Израиль	20
Магия имени	34
Швейцарское пиво	39
Максим Кантор	44
Оттепель	44
Валерий Копнинов	45
Прошлогодний снег в охапке	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Рукопожатие кирпича и другие свидетельства о девяностых. Сборник

От издательства

Российские девяностые уже много лет как являются предметом активного художественного и философского осмысления, и общественного консенсуса относительно этого периода пока нет и в ближайшем времени, судя по всему, не предвидится. Отчасти это связано с тем, что ещё слишком свежи и порой болезненны воспоминания об этом времени, отчасти с тем, что «невозможность объяснить явление до конца – свидетельство его подлинности», как сформулировал один замечательный современный писатель и историк, писавший в том числе и о девяностых.

В этот сборник вошли произведения трёх десятков литераторов – совершенно разных по мировоззрению, стилистике, эстетическим и житейским предпочтениям. Главное, что их объединяет, – искренность высказывания и плодотворность интеллектуального и художественного поиска: «Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу...»

Произведения, включённые в сборник, разбиты на два больших раздела. В первый вошли сочинения в жанрах, традиционно относящихся к литературе художественной. Второй раздел составлен из текстов, которые формально проходят по ведомствам журналистики, публицистики и гуманитарной науки, но, на наш взгляд, остаются по-прежнему актуальными, несмотря на то что газета и журнал, как принято считать, живут один день. Мы постарались сделать так, чтобы рассказы, пьесы, эссе, статьи, очерки и стихи, помещённые здесь, вступали в диалог между собой и дополняли друг друга.

Многие произведения написаны двадцать и даже тридцать лет назад, многие – специально для этой книги.

Фотографии Михаила Борисова.

Благодарим всех, кто согласился участвовать в этом сборнике и поддержал нас в осуществлении данного проекта.

I

Александр Бураков

Спартак

За последние двадцать лет климат в этих местах заметно изменился: лето стало теплее, зима короче, и – невиданное дело – появились гнус и мошкара. Такого на его памяти никогда не было, а память у Спартака долгая, лет ему то ли семьдесят, то ли восемьдесят, а может, и все девяносто – не помнит он уже, когда появился на этот свет. Сидит Спартак на большом бревне, принесённом Рекой из далёкой Тайги, у своего тордоха¹, греется на солнышке, дремлет и вспоминает. Воспоминания заставляют быстрее биться его изношенное сердце, воспоминания приходят и рябью тревожат его мятущуюся некогда душу. Воспоминания – это всё, что осталось у него в этой жизни. Спартак – странное для якута имя, но он не задумывался, почему его так называли, он всегда был Спартаком, Спартаком Ивановичем Поповым. Теплый ещё осенний ветерок отгоняет облака мошкары от старика, восходящие потоки воздуха подкидывают чёрные рои, мысли убегают в давние времена. Ему хорошо и спокойно.

Когда-то в этих местах было много русских, они колесили на гремящих машинах по тундре, оставляя на её теле рваные раны траками своих «железных оленей».

Раны эти не заживают десятилетиями, и до сих пор тундра в районе его Сагыллах-Арыта исполосована следами деятельности русских.

Звались они «гидрографы» или «геодезисты», возили с собой какие-то приборы на трёх ногах, один человек смотрел в прибор, махал рукой второму с длинной рейкой, разрисованной чёрными и красными полосками, и что-то кричал, потом первый писал в книжку карандашом. Русские – странный народ, они всегда куда-то торопятся, что-то строят, чего-то ищут, за чем-то гонятся. Помимо огромного количества матерных слов, часто употребляются слова «план», «гидроотряд», «разведка», «задание»... Больше всего русские не любят слова «райком», «парткомиссия», «милиция».

* * *

Русские в эти места пришли очень давно, Спартака ещё не было на свете. После их прихода у якутов стали появляться имена и фамилии, в основном Иваны и в основном Поповы. Русские батюшки в срочном порядке крестили паству, воображением не отличались, имена и фамилии использовали типовые, и вот отец, Иван Попов, видимо, решил исправить это положение и дал сыну имя Спартак, то ли знал откуда-то о древнем полководце, то ли слышал о существовании спортивной команды «Спартак» – как говорится, история умалчивает. Между тем якуты понемногу стали забывать своих древних богов, перестали верить колдунам, да их и не осталось почти. Разве лишь в потайных древних ледниках лежали ещё замёрзшие мумии самых сильных и старых шаманов, которые сберегал народ, и места эти тщательно скрывали от вездесущих русских глаз.

Русский тундру не слышит, он привык пользоваться своим гремящим и воняющим солярой или бензином железом. Он промчится мимо тайного места и не заметит его, а найдёт, так

---

¹ Тордох – здесь: небольшая бревенчатая изба.

набегут следователи-опера, понапишут кучу бумаг, поместят шамана в деревянный ящик да и закопают в землю, даже в вечную мерзлоту. А делать этого, по поверьям якутов, никак нельзя, дабы не ушла сила шамана в землю и не перестала опекать северный народ. Странные люди русские, тундру не знают, не чувствуют, пришли сюда, гибнут сотнями, но не уходят, и вот за это Спартак их уважает. Есть в них какая-то озорная бесшабашность, пренебрежение к опасности, чего в себе и в народе своём он не видел.

* * *

Спартак с малых лет учился слушать Тундру, Реку, Небо, учил его дед, а деда его дед, так и передавалась мудрость народа, сумевшего выжить в этих суровых, неприветливых к человеку краях. Спартак Тундру понимал: по мельчайшим изменениям ветра или даже по цвету облаков он мог сказать, когда придет пурга, или начнётся шторм, или будет ясно и безветренно. Он знал, где и когда поставить сеть, чтобы поймать омуля, муксуна, или нельму, или осетра, он знал, когда в этом году олени нагуляют жир и можно начинать охоту, будет ли этот год урожайным на песца. Использовал Спартак в своём промысле снасти, которые якуты делали испокон веков, не любил новомодных капроновых китайских сеток, стрелял оленя из старинной берданки, доставшейся от отца, но, правда, оборудовал свою «казанку» мотором «Вихрь» и зимой уже давно не ездил на оленьей или собачьей упряжке, а передвигался по тундре на «Буране» – первом советском снегоходе. Всё же цивилизация имела и положительные стороны.

Вдруг захотелось закурить, и несмотря на то, что не курил он уже лет двадцать, ноздри затрепетали от воспоминания о душистом сладковатом дымке его любимых сигарет «Родопи». Вспомнилось, как в детстве возился с братом, который крутил в руках отцовскую «курковку» и вдруг нечаянно нажал на курок. И как заряд дроби срезал с головы Спартака половину скальпа. И ходил с тех пор Спартак полулысый и некрасивый. Но несмотря на это, был Спартак когда-то женат, и был у него сын. Сына убили в далёких девяностых, в пьяной драке в Тикси ткнули ему в живот пешней и бросили в сугроб. В те времена якуты жестоко дрались между собой, русских не трогали.

Для русских ведь якуты все на одно лицо, а у тех своя иерархия. Например, южные якуты с Нерюнгри или даже из Якутска считаются аристократами, а северные, те, что пасут стада оленей, добывают песца, рыбачат на побережье и островах, – как выражаются русские, плебеи. В девяностые у якутов тоже случилась «оранжевая революция» – в Посёлке северные гасили приезжих с юга. Вот сын Спартака и попал под раздачу, в неразберихе драки спутали его с пришлыми. Сына он теперь вспоминал с тёплым грустным чувством и с сожалением, что видел его всего несколько раз, не воспитывал и не смог уберечь от беды. От жены вообще почти не осталось воспоминаний, только какое-то сладко-мутное, расплывчатое чувство.

* * *

Среди русских были и другие люди, они называли себя зимовщиками или полярниками. Эти по тундре не бегали, жили на полярных станциях, составляли и передавали сводки погоды куда-то на материк, чуть ли не в Москву. Многие из них были ленинградцами, показывали фотографии города, рассказывали о нём с восторгом. Для Спартака самым большим городом, который он видел, был Посёлок, поэтому фото и рассказы он воспринимал с сомнением. Но что его удивляло – зимовщики пытались учиться у него пониманию тундры, проток, моря, расспрашивали об охоте, рыбалке и очень внимательно слушали его рассказы. Со многими из них Спартак подружился и даже брал их с собой на охоту. Иногда, приезжая в гости, он привозил им свежих осетров, они подкидывали ему бочку бензина, так и жили. Больше всего огорчало Спартака то, что он совсем не умел пить. Полстакана разбавленного спирта, и уже слюни,

сопли, падает на пол – готов. Русские смеялись, говорили, что нет у него какого-то антиалкогольного гена, сами могли пить неделями, чем вызывали у него ещё большее уважение. Любили русские обильные, продолжительные застолья. Выпивают, разговаривают, а то затянут свои тягостнощемящие песни или пустятся в пляс, гитара и гармошка на станции – обычное дело. Ещё нравилось Спартаку, как устроены полярные станции. Обычно два-три домика, построенные из привезённых с материка брёвен, жилой дом, дизельная с радиорубкой и, бывает, склад. Всё у них работает на электричестве, вырабатываемом дизель-генераторами, дома отапливаются корабельными котлами, вся территория станции в ночное время освещается мощными прожекторами, на макушках антенн – красные огоньки, красиво. Но пуще всего любил Спартак смотреть кино. Едва ли не каждый вечер, после девяти часов, доставали из специальной кладовой кинопроектор «Украина», заряжали какой-нибудь фильм и начиналось волшебство. Фильмов в кладовой было много, почти сто, и все их Спартак пересмотрел по два-три раза. А самое любимое развлечение – показывать фильм наоборот. От смеха он катался по полу, глядя на то, как задом наперёд ходят люди, лошади, едут машины. Хорошее, светлое было время...

* * *

Но вот пришло время другое, нехорошее. Где-то в далёкой Москве Большой начальник сказал, что больше не будет Большой страны, разделил с другими начальниками Большую страну на маленькие кусочки, стали они править каждый своим. И скоро позабыли-позабросили начальники Север, и стало меньше приходить судов с грузом для полярников, и заскучали-загрустили зимовщики, и стали закрывать-консервировать полярные станции. По заброшенным станциям ходят белые медведи, терриконы ржавых, пустых бочек высятся в тундре, мерзость запустения. А начальники шумят на весь мир: нет у нас больше врагов никаких и не от кого нам охранять рубежи северные, теперь весь мир у нас в друзьях. И «друзья» пришли в Арктику, стали летать над тундрой, просвечивать её всякими приборами, чтобы узнать, где нефть лежит, а где газ и сколько этого добра в земле. «Друзья» запасы посчитали, занесли все результаты в бумажки-компьютеры, полетали, постреляли с вертолётов по оленям и отбыли восвояси. Перестали по протокам ходить грузовые баржонки, перестали летать вертолёты над тундрой. Посмотрели якуты по сторонам, развели руками и снова вернулись к своим оленьим да собачьим упряжкам. Больше не вывозили детей в интернаты на учёбу, русский язык забывать стали. Вернулись якуты к древним обычаям, натуральному хозяйству и так жили долгие тёмные годы.

* * *

Но вот вместе с новым веком пришел в Москву новый Большой начальник, стал ругаться с «друзьями», мол, обманывают они Россию, тянут денежки из страны, бывших холопов российских прикормили, те и затыкали, как обычно, в сторону Большого соседа, бьют копытцем, в битву рвутся, в информационную. В реальную войну с русскими ввязываться боязно, хоть и стали забывать уже, как огребли от Ваньки в прошлый раз, но меж лопаток да в заднице ощущаются фантомные боли, помнит тело, куда прилетало в ту Войну от ненавистного Русского медведя.

Вместо старых зимовщиков пришли новые, с компьютерами, радиотелефонами, в яркой красивой одежде. В такой одежде на охоту не пойдёшь, далеко видно. Гоняли они по тундре на невиданной машине «бомбардье» с немислимой скоростью. Спартака в его избушке не навещали, знакомства не заводили, не рыбачили, не охотились.

В тундре, в небе, в море началось движение, полетели «восьмушки», побежали вездеходы, пошли суда с грузами. На больших островах зашевелились военные, базы восстанавли-

вают, бюджеты «осваивают», не всё же «друзьям» воровать. Дело, однако, движется, новый Начальник Страны иногда даёт импульс к движению пинком в известное место, то есть присаживает самых ретивых «освоителей» на нары. Народ встрепенулся, башкой крутнул, мол, чё-то мы не за тех голосили на площадях да кровушку проливали у разных Белых домов! Опять *омманули* народ буржуи-кровопийцы, долой дерьмократов-либерастов! Даешь Едимую (тьфу ты, оговорился!) Единую Россию! Прошлого Большого начальника с ног до головы измазали в... ну, в том самом. Он же мёртвый, уже можно. Железа наклепали нового, суперсовременного, заняли круговую оборону, ждём. Или Начальника сменяют, или супостат нападёт, ну, в общем, как всегда.

* * *

Много всего пережил Спартак в жизни своей долгой, был свидетелем и взлётов, и падений Страны, много и хорошего, и плохого видел. Не было в его жизни одного – Большой Войны, и тому он рад, потому как старики рассказывали: плохо всем народам было в Большую Войну и многие народы многих сыновей и дочерей потеряли своих. И многим этим народам молиться Богам своим нужно, чтобы не повторилось такого никогда, так Спартак думает. И просит Бога в молитвах своих, чтобы не было в стране войны междоусобной, ещё более страшной, и чтобы берёг Народ мир на земле своей, ведь часто не ценим мы жизнь мирную, и многие недовольные пытаются бучу заварить, не ведая последствий ужасных, а ведь примеры – вот они: Сирии, Ливии, Ираки всякие взорваны изнутри. И растекается по всему Миру тёмная, злобная жижа, поглощает уже благополучные некогда страны. Берегите Мир, люди, нет ничего ценнее на свете. Так Спартак думает.

Сидит он на своем брёвнышке, вспоминает прожитое и счастлив: жизнь прожил он достойную, зла старался не делать людям, ни своим, ни пришлым, одна печаль: не увидеть больше друзей старых, не узнать, как живут они на далёком материке, помнят ли своего старого Спартака? Запахи тундры, запах дымка от тордоха, от бочек с солёной кондёвкой² убаюкивают старика.

* * *

Налетает осенний заряд, небо в мгновение ока чернеет, порывистый ветер треплет развешанные для проветривания олени шкуры, первый снег ложится на крышу жилища, на чёрную воду протоки и тут же тает. Не тает он только на лице старого якута, из сухого, холодного кулачка выкатывается незажжённая «родопина» и падает на влажный мох...

---

² Кондёвка – арктическая селёдка.

Ольга Гренец

Как вода

Мне почти сорок два, и у меня счастливый брак. Двое детей. Мы живём в университетском городке в Южной Калифорнии, где у мужа в университете место пожизненного профессора метеорологии, а я служу ассистентом на кафедре иностранных языков и литературы. Преподаю русскую литературу в контексте мировой культуры. Без сомнения, мои корни много для меня значат, хотя я и уехала из Советского Союза почти тридцать лет назад. Когда меня спрашивают, откуда я родом, с гордостью отвечаю – из Ленинграда.

Мне было пятнадцать, когда родители против моей воли увезли меня в Нью-Йорк. Это «против воли» приводит в замешательство большинство моих американских друзей. Они просят растолковать. Но как это сделать? Каждый вкладывает что-то своё в воспоминания о доме. Я делаю попытку передать их единственным доступным мне способом. Я рассказываю истории.

Представьте, что вы сидите на галёрке в театре, который задолго до вашего появления на свет был настоящим дворцом, но сейчас половина стульев разваливается, штукатурка облупилась, на балконных балюстрадах зияют дыры от вывалившихся балясин, а когда действие начинается, занавес застревает, и выходит рабочий в синем комбинезоне подёргать его и открыть сцену. Вам пятнадцать, и слева от вас сидит подруга, с которой вы знакомы с десяти лет, справа другая – с ней вы дружите с шести. Поход в оперу – школьное мероприятие. На сцене сопрано признается в любви к баритону. Она в своей комнатке, сконструированной по самым что ни на есть подлинным эскизам девятнадцатого века, только без четвёртой стены. Она пишет ему письмо, где описывает свою страсть, она мечется, не в силах понять, что несёт ей судьба: благословение или проклятие. Она сознаёт, что, открывая сердце, преступает все границы приличий, и умоляет отнестись с пониманием к её исповеди. Вы прекрасно знаете, что кончится всё это плачевно, и всё же на мгновение музыка захватывает вас и наполняет надеждой.

В полном отчаянии она бросает перо на стол – и... стол падает. Вся спальня с треском и шиком рушится на сцену – чудом, что не на певицу. Пыль столбом! Сопрано невозмутимо продолжает петь, признаваясь баритону, как бесконечно она ему доверяет.

На галёрке ваша подруга слева заходится от смеха, да так, что стул под ней подкашивается и валится на пол, она падает вместе с ним – снова шум и новый взрыв смеха. Какая катастрофа! Какое блаженство! Опера такая мёртвая, что буквально разваливается на части! И в тот же миг она превращается в сказочную фантазмагорию формального искусства, ибо голос сопрано, изо всех сил пытаясь передать нечто невыразимо важное этим варварам-подросткам, сгрудившимся в темноте, воспаряет над руинами.

И представьте, даже тогда, в пятнадцать, я хорошо понимала, что радость, которую мы испытывали с подругами, была обратной стороной кошмара, рождённого из зрелища деградации и распада. Звезда взрывается, империя рушится, небо пронзает огненный шар. Наблюдать такое событие – удача, которая может выпасть только раз в жизни. Правда, она может обернуться пламенем, желающим пожрать всё, что тебя окружает, и опалить сердце навсегда. Шёл девяностый год. Забыть такое невозможно, предсказать, чем обернётся будущее, тоже было невозможно.

* * *

Сегодня 9 июня 2017 года. Несколько дней назад по социальным сетям разошёлся мем, где люди вспоминали самые смешные эпизоды своей жизни, и я рассказала об этом ленинград-

ском спектакле – хотела описать только комическую сторону, но для американских друзей, незнакомых ни с Пушкиным, ни с оперой, пришлось изобразить всю сцену в подробностях. Многие мои коллеги любят ругать социальные сети, я же охотно пользуюсь ими, чтобы поддерживать связь со старыми друзьями. Особенно актуально это стало в последние годы, когда мы с мужем переехали с Восточного побережья в задышающуюся от машин калифорнийскую деревню и оказались заблокированными дорожными пробками.

Я с удовольствием отметила, что подруги, которые вместе со мной слушали тогда оперу, увидели и отозвались на мой пост. Первой откликнулась Екатерина: «Удивительно, как я сама-то осталась цела. Я так вцепилась в подлокотник, что занозила руку. Нам ещё повезло, что мы выбрались оттуда живьём». Катя – юрист, с годами она становится всё более нервной. Ей выпала трудная судьба, вскоре после университета она вышла замуж за одного нашего одноклассника, родила дочь, развелась и вышла замуж за другого одноклассника. С ним у неё тоже дочь. Обеих зовут Евгениями – я думаю, она позволила мужьям самим выбирать имена. И ей это не кажется смешным. И скорее всего, тут нет никакой связи с Евгением Онегиным.

Таня, моя подруга с детсадовских времен, та, что на спектакле сидела от меня по правую руку, стала биологом и вышла замуж за коллегу из Норвегии. Работает микологом, живет за Полярным кругом, её дочери – она на год младше, чем моя старшая, – в этом году исполнится шестнадцать. Таня тоже ответила на мой пост. Её послание настигло меня как письмо в бутылке, вынырнувшей из-под обломков нашего детства. Она написала: «Отлично помню тот день! Ты всю дорогу смешила меня. Запомнила, что в точности тебя так развеселило, но я, как зачарованная, смотрела, как ты прикалываешься над спесивым Онегиным. Тогда-то я и влюбилась в тебя».

Волосы на моём затылке встали дыбом, когда до меня дошли её слова.

– Как это прикажешь понимать? – отстучала я.

Она ответила... часов через восемь... ох уж эта разница в часовых поясах.

– Так и понимай.

– А подробнее?

– Куда уж подробнее. Обсудим как-нибудь при встрече.

О, чёрт, о чём она говорит? Намекнула и сразу на попятную – меня почему-то сильно смутили её слова.

Три дня я просидела перед компьютером, разбирая студенческие работы, просматривая социальные сети и пытаюсь забыть среди историй малознакомых людей. Дети с мужем отправились в поход в каньон на маленькое горное озеро и оставили в моём распоряжении если и не мой рассудок, то, по крайней мере, весь дом. Я исправила склонение у сотни русских прилагательных, отредактировала вид и спряжение у двух сотен глаголов и наконец-то узнала все последние сплетни о платоническом романе между Путиным и Трампом.

Неужели Таня намекает, думаю я, что испытывала ко мне физический интерес, что она желала меня душой и телом? И почему она призналась только сейчас и по такому случайному поводу? Скорее всего, она хотела сказать, что любит меня как друга. Это не новость. Конечно, я тоже люблю её. Мы подруги, мы дружили все эти годы и, не раз случалось, вспоминали детство, а возрастающие Катькины странности связывают нас даже ещё больше. Я до сих пор в шоке: зачем она назвала обеих дочерей Женями? Что за манера ставить на детях метку, лишняя раз напоминающую о прошлом их матери.

Кажется, единственное, что мне остаётся, – это сидеть и наблюдать, как работает двигатель в исторической маслобойке. Надо полагать, Таня не вкладывала особого смысла в свои слова. Только чем дольше я думаю, тем больше деталей всплывает из прошлого: случайное прикосновение, взгляд, неожиданно нежное слово – их можно по-всякому интерпретировать. В третьем или четвёртом классе мы с ней сочиняли историю про нас троих: Катя, Таня и я

строим дом на далёком острове в Северном море и живём там, охотимся, ловим рыбу, собираем грибы-ягоды. Она рисовала карты острова, а я проектировала дом. И я совсем не удивилась, когда Таня отправилась в эту свою первую экспедицию в Арктику. Я была уверена, что ею безотчётно руководила наша старая фантазия.

Всё же звоню Тане по скайпу и, пока мой компьютер имитирует тональный набор, всматриваюсь в её снимок на иконке: с возрастом она сильно похудела; в её профиле и всегда было что-то птичье, а в последнее время черты лица ещё больше заострились, будто отчеканились. Она не отвечает. Занята? Не хочет разговаривать? И то и другое, решаю я и пробую представить, как я ласкаю её губы своими, прижимаюсь к телу через всегдашний её свитер – такое часто можно увидеть здесь, в Калифорнии, – по-моему, ей это нравится, она льнёт ко мне.

Выключаю скайп, выключаю компьютер и иду в гостиную, включаю и выключаю телевизор. Полдень, на улицу выходить нельзя – слишком жарко. Сейчас эта калифорнийская пустыня кажется особенно несуразным местом. И всё-таки это дом! Дети возвращаются домой сегодня вечером и ждут, что я буду расспрашивать их о приключениях.

Неужели Таня действительно намекала на любовь «девушки к девушке»? Не может быть.

Ну точно, я сошла с ума. В сорок два впервые сподобилась представить, как могла сложиться моя жизнь, если бы в пятнадцать мне было известно, что женщинам не обязательно выходить замуж. Что они могут любить друг друга, жить вместе и вместе растить детей. Если бы я знала, хотя бы понаслышке, что где-то есть женщина, открыто живущая с другой женщиной, – как бы это повлияло на меня? Если бы я встретила женщин, которые совместно воспитывают детей, если бы я слышала, что хоть один человек, отзываясь о женщинах, которые любят женщин, произносит иные выражения, вместо привычных: «Блажь», «Извращенки», или «Какая мерзость», или даже просто «Бедолаги».

Память подсовывает полузабытый образ из девяностных – что-то, что я подглядела? навязчивая фантазия? обрывок фильма? – две девушки взасос целуются в тёмном, едва отапливаемом подъезде незнакомого жилого дома. Слабея в коленках, падают на бетонную лестницу, вздрагивают всякий раз, когда слышится шум открывающейся двери. Они ищут близости друг у друга как защиту от возможного вторжения, греют ледяные пальцы во впадинках на груди друг у друга, находят соски, руками, губами пробиваются сквозь слои зимней одежды к клиторам друг друга.

И что потом? Из этого подъезда – куда они пойдут? они держатся за руки? они продолжают встречаться? Вообразить, как в то время должна была выглядеть девичья любовь, всё равно что пытаться построить чёртову параллельную вселенную. Я знаю – с тех пор я слышала некоторые истории, – я знаю, что некоторым девушкам это сошло с рук. Но до сих пор не понимаю, как у них хватило смелости.

* * *

Давным-давно, примерно в девяносто третьем году, жила-была пожилая пара, вслед за детьми и внуками эмигрировавшая из Советского Союза. Они обитали в маленькой квартирке в Бронксе и страдали от множества недугов. У него было большое сердце и камни в почках, у неё изнурительный артрит и остеопороз. Их медицинская страховка позволяла им пройти один профилактический осмотр в год. На назначенную проверку они решили пойти вместе. Доктором была женщина среднего возраста, похожая на их дочь, и, беседуя через переводчика, пара принялась жаловаться.

Докторша прервала их.

– Вот что вам следует делать, – сказала она. – Вы оба должны выпивать по два литра воды в день. Только ни в коем случае не газировку. Не сок. Не кофе и не чай. Вода, чистая и без газа.

– Но послушайте, доктор, – запротестовали они.

– Я постоянно сталкиваюсь с подобной проблемой среди своих пациентов-эмигрантов: если люди приехали из мест с плохой водой, они недостаточно пьют – особенно пожилые. Идите домой и пейте, пейте. Увидимся в следующем году.

Они посмотрели друг на друга и вздохнули. До них доходили слухи о качестве американского медобслуживания, но они не ожидали, что это будет настолько удручающе.

В следующем году они пошли к другому врачу. Молодой человек выглядел усталым, но, казалось, расположенным слушать. И кивал он вдумчиво. Пара закончила свою историю абсурдными советами, полученными от предыдущего врача. Лицо молодого человека оживилось.

– И вы последовали рекомендации моей коллеги? – спросил он.

– Да что вы! Она же посмеялась над нами.

– Исследователи настаивают: большинство людей должно потреблять по меньшей мере шестнадцать унций прозрачных жидкостей в день. Как минимум!

– Что значит прозрачные жидкости?

– Вода, сок. Лучше вода.

– А чай?

– Только не чай. Чай дает противоположный эффект – это мочегонное средство.

– Мы можем попробовать пить чай с молоком.

– Вам нужна просто вода. Вы что, не пьёте воду?

– Мы всю жизнь пили чёрный чай. И у местной воды тошнотный вкус.

– Ну, покупайте бутилированную. Она безвкусная.

– Спустить все деньги на воду? Вы с ума сошли.

– Хорошо, попробуйте выжать в воду немного лимонного сока. Добавьте кусочек огурца.

Поищите. Поверьте, это принесёт вам пользу.

– Да, да. Прекрасно. Что ж, раз нам не получить нормального лечения, мы скорее убежёмся на тот свет.

– Даже не знаю, что вам сказать. Видите ли, у вас сейчас нет никаких острых симптомов.

– Но, доктор, они скоро появятся.

– Вот ваш рецепт. Видите? Я пишу: пить 16 унций воды o.d. – *Omni diem* – это значит каждый день. Возвращайтесь через год, и мы обсудим, что ещё можно сделать.

У пожилой пары не было другого выхода. Возвращаясь домой рука об руку, они договорились, что попробуют следовать указаниям врача.

И вот что они сделали. Начали с одной кружки. После обычного вечернего чая жена выливала воду из чайника в большую кружку и ставила её посередине стола. Весь следующий день, пока они перемещались по квартире, готовили или ели, принимали таблетки, привезённые друзьями и родственниками из бывшего Советского Союза, читали газету или смотрели телевизор, – короче, всё время кружка неотрывно следила за ними. Время от времени один из них осмеливался сделать глоток, тогда другой тоже должен был сделать глоток, в этом и состояла их сделка. И так, понемногу, храбрясь и подбадривая друг друга, к концу дня они обычно допивали кружку до последней капли.

На следующий год они снова пришли к врачу. Он был молод, но хотя бы потрудился их выслушать.

– Мы делали то, что нам прописали, – сказали они. – Мы пили воду.

– И как?

– А как вы думаете? Это всего лишь вода.

– Опишите точно, что вы делали.

Они рассказали ему о кружке в середине стола и о том, сколько усилий понадобилось им, чтобы приканчивать её каждый день.

– Не понимаю, – сказал врач. – Мы живём в мире, который преимущественно создан из воды. Шестьдесят процентов человеческого тела состоит из воды. Наши клетки нуждаются в воде для работы. Как вы могли прожить такую долгую жизнь и не понять, что вода – основной компонент, необходимый всем людям?

Муж и жена посмотрели друг на друга. У обоих в глазах стояли слёзы.

– Вы говорите искренне, молодой человек, – сказали они доктору. – Мы ценим ваш энтузиазм. Возможно, вы и правы. Но ваш совет нам не подходит. Вода не для нас. Мы пьём чай.

* * *

Так вот в чём дело?! Как и мои предки, я тоже родилась в мире, созданном из воды. Здесь, в засушливой части Калифорнии, где у нас выпадает порядка десяти дюймов осадков в год, мне хорошо видно, как всё живое страдает без воды. Но я до сих пор не обращала на воду серьёзного внимания.

Я снова перечитываю сообщение, оставленное подругой: «Тогда-то я и влюбилась в тебя»; мое сердце замирает, и я чувствую так близко – будто вот-вот пойму что-то очень важное. Мне пятнадцать, я слушаю «Евгения Онегина» – Татьяна пишет письмо – декорации падают, и – я представляю обращённое ко мне смеющееся Танино лицо, а за смехом огонёк в её вопрошающих глазах... Но что я знаю. Это было тридцать лет назад. Я снова пытаюсь восстановить эту сцену в памяти. Вспоминаю или придумываю?

И тут мои фантазии обрываются: проживи я там чуть дольше, до хотя бы мало-мальской свободы – так нет же, всё, как всегда, заканчивается тем, что появляются родители и увозят меня в Нью-Йорк.

Я смотрю, сколько стоит долететь до городка Тромсо в Норвегии. Можно купить билет и навестить Таню – хотя, конечно, у меня дети и ученики. Их надо учить, диссертациями надо руководить, дискуссионные группы на конференциях надо готовить, и потом, у меня есть муж – мой надёжный партнер вот уже пятнадцать лет, и он рассчитывает, что я буду вносить свою лепту в работу по дому и уход за детьми.

Двадцать два часа лёта из моего городка до городка Тани.

Ну, положим, я прилетаю в Норвегию, где у моей подруги своим чередом протекает своя жизнь: дом, который нужно вести, дети, коллекция грибов. Встреча, которая не может привести ни к чему, кроме бездны неловкостей: «Я тоже тебя люблю», объятия, поцелуй в щёку.

Да и поздно уже всё. У меня слишком устоявшиеся привычки. Вода не для меня. Но я смотрю на кружку – она в центре стола. Она притягивает меня как магнит. Разве могу я забыть, что там вода? Я привыкла к чему-то другому, – ну а если рискнуть? Что, если я сделаю, как делают многие мои здешние ученики в восемнадцать или двадцать лет? Вот именно – пущусь в авантюру! Попробую начать всё сначала. Я в ужасе, но я не могу больше притворяться, что не понимаю. Вода – это жизнь.

Продавать бананы

Бананы гнили на полу заводского склада на окраине города. В начале октября температура внутри полузаброшенного здания держалась немногим выше нуля. Шкурки бананов серели, покрывались пятнами. Они пролежат от силы ещё неделю, не больше.

Двадцать тонн аккуратно упакованных коробок с нарядными заграничными этикетками и специальными отверстиями для вентиляции возвышались с обеих сторон пандуса, предназначенного для отгрузки агрегатов; до зимы завод производил шестьдесят три изделия в день, зимой пришлось остановиться – госзаказ приказал долго жить. Бананы, приобретенные

по необеспеченному товарному кредиту, были авантюрой нового исполняющего обязанности начальника цеха, их нужно было срочно продать.

Кому-то такая работёнка пришлась не по вкусу: откуда он взялся, этот парень, на каких условиях договорился об аренде склада, в чей карман потекут денежки. Вообще, каким образом он разжился кредитом, что за связи нужны были для всего этого? Говорили, он – частник, у него свой шиномонтаж, а сюда поставили, и все дела перевели, чтобы цех в частные руки передать. К тому времени люди уже много месяцев не получали зарплату, теперь каждый сам должен был позаботиться о себе. Совсем близко уже маячили всякие финансовые схемы, вроде МММ, а ведь ещё вчера, кажется, люди верили, что в будущем деньги будут не нужны.

Ну так что ж, любой, впавший в глубокие раздумья, оправдает ли цель средства, мог свободно идти на улицу.

Бананы не желали ждать результатов философского анализа. Они стояли на складе и портились от холода.

В вестибюле фабрики коллеги оккупировали единственный городской телефон и поставили дежурного в ватнике пошива Великой Отечественной отслеживать входящие звонки. Остальные вели обзвон из своих квартир.

Людмила почти сразу выбилась в корифеи продаж, в звёзды, можно сказать, первой величины. Убедила себя вступать в беседу с первым, кто ответит на звонок, и, заглушив в себе все ростки смущения, уговаривать, уговаривать. С перестройкой в городе появились «Жёлтые страницы» – Людмила раздобыла себе блестящий экземпляр 92-го года. Подкрепившись чаёчком, она ставит телефон на кухонный стол и, перелистывая страницы справочника, помечает подходящие номера.

– Продуктовая база номер три? Частная квартира? Извините, у меня номер неправильно записан. А вы случайно не знаете, как мне найти троечку? Замечательно, пятая тоже подойдёт. Да, записываю, блокнот передо мной. Понимаете, моя организация получила большую партию экзотических фруктов, бананов, и они плохо идут – никто не в состоянии представить, что сейчас можно купить бананы и безо всякой очереди! Нельзя же допустить, чтобы они пропали, когда многие просто голодают. Ваша невестка – кассир в супермаркете? Как чудесно. Если она свяжет меня с заведомом, скорее всего, мы сможем дать ей комиссию. А чем вы сами занимаетесь? Школьный повар? Школа, должно быть, нуждается во фруктах для школьных завтраков. Дочка говорит, они сто лет не видели никаких фруктов. Знаете, кто отвечает за закупку по вашему району? Сможете дать ему мой номер? Скажите, звонила Людмила. У нас достаточно бананов, чтобы накормить всех детей города. В отличном состоянии! И я готова поторговаться!

Людмила получила образование инженера-конструктора и двенадцать лет простояла за кульманом, проектируя производственную оснастку; серьёзные проекты выпадали крайне редко, разве что в последние годы, когда перестали нормально платить, некоторые от скуки стали сами выдумывать себе работу. «Продажа бананов – детская игра, – говорит она дочери, оторвавшись от телефонного разговора, когда та возвращается домой из компьютерного кружка. – Задавай только правильные вопросы, и незнакомый человек мгновенно обернётся союзником. Я чувствую себя так, будто мне предоставили второй шанс. Не хочешь попробовать?»

Дочка шарахается от телефона и запирается в ванной. Рабочий день заканчивается. Некоторые номера уже не отвечают, Людмила звонит коллеге на завод и отчитывается.

– Что новенького?

– Сегодня вечером ещё две поставки. Начинай опять как можно раньше. Надо застать серьёзных людей дома. Как только они придут на работу, день закончится, начнётся привычная волокита.

Дзыын-дзыын-дзыын. Людмила кивает звуку гудка и просыпается только на стук: дверь ванной открывается, и на пороге появляется дочь. Людмила протирает глаза и идёт за ней в комнату, чтобы помочь девушке вытащить из дивана постельные принадлежности.

– В школе всё в порядке?

– Им больше не нужны бананы, если это то, о чём ты спрашиваешь.

– Откуда ты знаешь? Разве дети не покупают их? Я лучше поговорю с замдиректора. Бананы намного питательнее, чем каша, которой они вас кормят.

Дочка проскальзывает под одеяло и суёт голову под подушку. Людмила чмокает её в затылок.

– Не буду больше о бананах. Не прячься, а то задохнёшься. Можешь поворачиваться!

Она идёт в ванную почистить зубы и ополоснуться перед сном. Зеркало запотело и покрытые плиткой стены тоже. Сколько часов она провела в ванной и что делала всё это время? Девочке скоро шестнадцать – ну да, весной шестнадцать. Научилась мастурбировать? Людмила включает горячую воду и садится на край ванны. Дочка возвращается из школы в переполненном метро или на автобусе. Никогда ничего не рассказывает о мужиках – небось, трутся об неё в утрамбованном общественном транспорте; а те, что ошиваются у пивных ларьков, которыми размечена вся дорога?.. Должно быть, нашла собственный способ справляться с этим. Некоторые матери посылают дочерей на уроки тхэквондо, чтобы научить их защищаться, откуда только у людей деньги в наши дни на такое? Может, обменять коробку бананов на несколько частных уроков? Людмила не уверена, что дочке это понравится. Девушка полновата и не любит носить облегающую спортивную форму. А ещё надо коммуналку платить.

Она прислоняется головой к стенке ванной. Звук падающей воды, тепло растекается от ног вверх по телу... глаза закрываются, и бананы кружатся у неё перед глазами. Как прекрасен цвет спелых бананов. От них исходит запах экзотической жизни: тропический остров, стоит протянуть руку – и все сыты. Пусть ей приснится, как в их суровом климате убережёт бананы от гнили.

Продавать надо, вот что.

Дмитрий Данилов

Фёдор Черенков

7 ноября 1993 года футболист Фёдор Черенков провёл свой последний официальный матч – в Москве против «Ростсельмаша» (3: 0). 23 августа 1994 года в Москве состоялся его прощальный матч.

Был такой футболист
Фёдор Черенков
Он уже умер
К сожалению
Он всю жизнь
Всю свою карьеру
Играл за московский Спартак
С небольшими перерывами
А я всю свою жизнь
С подросткового возраста
Без перерывов
Болею за московское Динамо
И я, по идее
Должен испытывать ненависть
К этому бывшему игроку
Московского Спартака
Потому что все
Болеющие за Динамо
За московское Динамо
Испытывают ненависть
Ко всем и ко всему, что и кто связано
Со Спартаком

Но я её не испытываю
Я не испытываю ненависти
К Фёдору Черенкову
Футболисту
Московского Спартака

Он родился и вырос в Москве
Учился в школе
Потом в футбольной школе
Играл за московский Спартак
Даже закончил институт
Не помню какой
Неважно

А потом он сошёл с ума
Вернее, лучше так

Появились психические проблемы
А тогда это было
Почти приговором
И он лечился, играл
Лечился и снова играл
И я помню, как он играл
Он играл хорошо
И его этот Спартак
Его ненавистный Спартак
Все время выигрывал
Ну, не всё время
А по сравнению
С нашим несчастным Динамо

Его так и не оценили по-настоящему
Не взяли в сборную
Ни на чемпионат мира
Ни на чемпионат Европы
Так и остался он игроком
Которого просто любят
Хотя, конечно, стал чемпионом страны
Три раза
Да, этого не отнять

Когда он появлялся
На экранах телевизоров
Выглядел он, ну как сказать
По нынешним меркам нелепо
А тогда модно
Сделал себе так называемую ##химию##
Это была модная в те годы
Нелепая кудрявость
И всё равно
Было видно
Что это хороший человек
Да, было всегда, всегда видно
Что это хороший человек

Я не могу объяснить этого

Я не знал
Что у него были психические проблемы
Не знал
Что он тогда
В далёкие восьмидесятые
Временно сошёл с ума
Это я только сейчас знаю
Ему потом тяжело жилось
Я читаю сейчас

И это ужас, ужас

Ему было очень плохо
Он искал спасения в религии
В нашей, трудно приспособленной
К облегчению страданий
Православной религии
Он был трудником
В монастыре
И это принесло ему
Временное облегчение

А потом он умер
И, говорят, цветы ему несли
Фанаты всех московских клубов
Динамо, Спартака, ЦСКА, Локомотива
И Торпедо, пребывающего
Во второй, кажется, лиге
Я тоже думал пойти
Но не пошёл
Лень, прокрастинация
Прочий ужас
Как-то не пошёл

Но я сохраняю в своей памяти
Этого футболиста
Фёдора Черенкова
Он меня дико раздражал
Как футболист Спартака
Но я помню
Ещё с далёких восьмидесятых
Его лицо
Его странное лицо
Лицо не то чтобы святого
Но такого, нашего
Русского, византийского
Православного юродивого
Да, что-то в нём такое было
Может быть, это я просто придумываю
Да ладно, какая разница
Но он как-то засел в памяти
У всех нас, кто его видел

И мы теперь
Никогда его не забудем.

Леонид Ильичёв

Командировка в Израиль

Посвящается зубопротезистам

ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Знаете ли вы, что изготовление зубных протезов на станках с числовым программным управлением методом микрофрезерования требует применения фрез толщиной в половину человеческого волоса, а иначе язык ощущает неровности коронки.

Павлу Михайловичу вырвали зуб, вернее, три зуба, и все из верхней челюсти. Ему уже к семидесяти, и в этом возрасте у многих проблемы с зубами, но его обижает несправедливость: на нижней челюсти все зубы свои, а на верхней вот уж двадцать лет как высыпаются. Хотя, говорит он, может, дело и не в этом эскулапе, родом из Житомира, а в его собственном пародонтозе или в том, что его тогда продуло в Шереметьево... Всё равно, каждый раз, когда дело касается зубного врача, он вспоминает давнишнюю поездку в Израиль и жалуется на доктора Рабиновича...

Они с приятельницей сидят на даче, пьют вино. Хозяин – инженер с нереализованными наклонностями преподавателя – много историй накопил и всегда готов обрушить их на неподготовленную голову. Выбирая вино, он обязательно должен рассказать, что по совету одного товарища, из учёных, выбирает французское 12,5 %: уж если они с такой точностью измеряют градусы, то вино наверняка должно быть хорошим.

Приятельница Аллочка – журналистка, лет на пятнадцать моложе, знаток изобразительных искусств и театра. Их когда-то свело одно деловое мероприятие. Павла Михайловича тогда подкупило в ней отсутствие питерского снобизма и живой интерес к людям, а потом уж человеческий интерес перерос в приятельские отношения. Аллочка способна и внимательно слушать, на лету подстраиваясь под собеседника, и пошутить может, если надо, и наивной школьницей прикинуться, чтобы поддержать учительскую горячность друга.

– В начале девяностых, – говорит Павел, – когда сняли ограничения КОКОМ на экспорт западных технологий, нам открылся новый мир. Товары-то – чёрт с ними, перебиться можно, а вот промышленные технологии, оборудование, инструменты не продавали, а тут – бери что хочешь! У нас прямо глаза горели. Не говоря уже о компьютерах – это вообще сказка: персоналки вместо монструозных ЭВМ размером в машинный зал! Ты ещё молодая, да и не технарь, многого не помнишь, не знаешь... А как за границу разрешили выезжать – об этом раньше и подумать было нельзя! А мне особенно: в вузе у нас был допуск. Встретишь на улице иностранца, а тем более если он с тобой заговорит – сразу беги сдаваться, докладывать о контакте.

– Что, прямо так, если на улице встретишь? – Аллочка устраивается поудобнее и автоматически принимает профессиональную позу слушательницы.

– Ну, на улице случайно – это, может, и преувеличение, но перед дипломом у нас одного парня лишили допуска: выяснилось, что он переписывался с девочкой из Швеции и не доложил. Так его должны были выгнать из института.

– И выгнали?

– Нет, декан спас, нашёл ему несекретную тему. Учился он хорошо – пожалели, дали защититься.

Сосны за окнами веранды то недвижны, как канделябры, то начинают качаться и скрипеть, когда с моря подует. Помолчали, и Павел продолжил:

– Первые разы, когда я ездил в командировки, ещё выездные визы не отменили. Помнишь то время, конец восьмидесятых – начало девяностых?

– Не, я ещё в университете училась, замуж собиралась, да и какая в то время заграница в областном центре! Хотя африканских студентов было немало...

– Сейчас он тебе целую лекцию прочтёт про те времена, – присоединилась к компании жена. – Ну, давай, давай, я, правда, эти истории сто раз слышала...

– Зарплата сто долларов в месяц, – невозмутимо продолжал Павел, обращаясь к Аллочке, – считалась хорошей, двести долларов – и ты уже обеспеченный человек, а триста – считай, что ты богат как Крёз. А ПиСи ЭВМ помнишь? Не помнишь? Все программы были ворованные, а компьютеры-то покупать приходилось! Один хороший монитор стоил как три годовые зарплаты инженера. У частных фирм таких денег просто не было! А большие заводы? Поди найди желающих вместо таких необходимых «мерседесов», «ауди» и «фордов-транзитов» потратить свои кровные на развитие! Встретить среди директоров такого, у которого были и заказы, и решимость инвестировать в производство, – почти как динозавра на Невском!

Дача старая, в стиле северного модерна, ей больше века, но лет десять-пятнадцать назад, в хорошие времена надежд и подъема Павел с женой перестроили её на современный лад: заменили нижние венцы, погребённые под песком, нанесённым за долгие десятилетия ветром, и верхние, сгнившие от протечек с крыши, утеплили и заново обшили снаружи современными материалами, вставили новые деревянные стеклопакеты, провели газовое отопление, поставили мощные электрические водонагреватели...

Павел говорит:

– Мне повезло: нашёлся потенциальный заказчик с деньгами.

Однажды Павла в качестве представителя фирмы с иностранным участием пригласили на «отраслевое производственное совещание». Всё проходило в Москве на базе одного из заводов авиакосмической отрасли. Мероприятие, естественно, заканчивалось банкетом. Павлу дали слово в конце, когда на грудь было принято столько горячительных напитков, что действо грозило превратиться в шабаш. Рассказывать о своей фирме было уже бесполезно, и Павел решил выступить нестандартно: он запел «Вихри враждебные». Голос у него сильный, петь народ тогда ещё не разучился, получился застольный хор, а он в этом хоре был дирижёром и запевалой. Пикантности придавало то, что слова революционной песни все помнили ещё с детства, но они в условиях нарождающегося капитализма обретали новую актуальность и смысл, вернее, двусмысленность.

Один из участников, солидный дядька лет под шестьдесят, судя по оканью, с Волги, очень впечатлился. Он оказался уважаемым человеком, директором научно-производственного объединения, «флагмана» отрасли. Когда-то наша страна была пионером в космических исследованиях, да и авиация своя была, но западные фирмы наступали, и этому производственному объединению давно пора было переоснащаться. Деньги государство им для этого выделило.

Хоровое пение сближает людей, и вылилось всё это в контракт на поставку софта, естественно, иностранного: своё, отечественное программное обеспечение вместе с компьютерами отстало на десятилетия.

* * *

Иностранные поставщики обычно нанимают местные компании для продвижения и продажи своих систем и за это дают так называемую дилерскую скидку. Компания Павла специализировалась на продаже софта, она на этом зарабатывала, а на заработанные деньги – развивалась: нанимали инженеров, программистов, писали приложения, открывали представительства по всему бывшему Союзу, получали новых поставщиков. Ссылка на успешное внедрение у такого авторитетного предприятия позволяла надеяться на новых серьёзных покупателей.

Вот почему было так важно организовать командировку за границу, и проще всего – в Израиль, где тогда никто ещё не бывал, а у Павла были контакты. Главный контакт в инженерной сфере назывался Эзра, он торговал высокотехнологичным софтом и заодно компьютерами. По возрасту – лет на пять моложе Павла, но по бизнесу – даже сравнить невозможно, насколько он был опытнее. Иностранцы, что касалось бизнеса, были тогда для советских инженеров как боги, а сами инженеры – как дети. Эзра был проверенным кадром, с таким смело можно было везти заводчан, как говорилось, «знакомиться с опытом иностранных партнёров».

Поздний вечер, но солнце ещё не зашло, проблёскивает сквозь сосны, за окнами всё ещё белая ночь. Свет позволяет, и Аллочка делает пару снимков, камера всегда с нею. Павел подливает всем вина и продолжает рассказывать.

Наступал 1995 год, для него командировка в Израиль была уже далеко не первой, партнёры у него там были ещё с перестроечных времён.

– Я, – говорит Павел, – впервые поехал в Израиль ещё в конце советской власти, в 1989 году, повидал там уже, вероятно, все израильские технологические чудеса, начиная с системы орошения в пустыне. Это было самое большое потрясение. Каждое растение обеспечено своей персональной каплей, она регулярно поступает из подведённой к его корню трубочки, и вся эта система управляется компьютером. А ещё кибуцы, израильские колхозы, которые в Советском Союзе не получились, потому что из-под палки, а в Израиле получились. Коровы стоят в стойлах, и у них датчики на ноге, при этом они дают не 9 или 12 литров молока, как в СССР, и даже не 18, как в Голландии, а все 23. В другом кибуце – артель, где два сотрудника и три автомата; одно устройство измельчает пластмассу, те же пластиковые трубочки, другое моет, а третье гранулирует. А ещё кибуц с заводиком, где пять сотрудников: директор, два инженера и двое рабочих, несколько многокоординатных станков. Знаешь, сколько пресс-форм они экспортируют? На пару миллионов долларов! Кибуц, где делали магнитофонные кассеты...

Про коров Аллочке неинтересно, она перебивает:

– Подожди, что за пресс-формы?

– Слышала про куклу Барби? Это продукт высоких технологий...

– Страшные слова говоришь, сейчас тебе урок по подготовке производства преподнесут, нарвалась, – подначивает жена.

– Точно, я сейчас расскажу! Урок номер один. Тема: «Кукла Барби сложнее ракеты».

Слышала ли ты, дорогая Аллочка, что ракеты в секторе Газа в гаражах делают? Так вот, куклу Барби на коленке не сделаешь. Есть автоматы для литья пластмасс, на них устанавливается пресс-форма, в неё заливается жидкая пластмасса, под давлением, потом пластмасса остывает, пресс-форма раскрывается, и оттуда достают готовую кукольную голову. Или ногу. Или руку.

– Так пластмассовых кукол и в Советском Союзе делали.

– Делали, но что это за куклы были? С плоским лицом, уродины!

– Я не согласна, у нас симпатичные куклы были! – вступила жена.

– Ну, всё равно, пусть симпатичные, но лицо было не как настоящее. У Барби, как и у человека, сложный профиль лица, сложные поверхности, а возле носа есть «поднутрения», зальёшь форму, а деталь и не вытащишь. Нужна разъёмная форма, а её иначе, чем на станке с ЧПУ, и не сделать, точности не хватит. Слышала про ЧПУ?

– Слово такое слышала, а как расшифровать, не знаю, врать не буду.

– Урок номер два. Тема: «Станок с числовым программным управлением». Это станок. Он работает от стойки управления, фактически от компьютера. Для стойки управления нужна программа, и тогда станок сам будет фрезеровать заготовку так, как задано в программе. Всё программируется заранее: скорость вращения шпинделя, подача, холостые ходы, подача охлаждающей жидкости, даже смена инструмента.

– А что, у нас раньше такого не было?

– Во-первых, на заводах внедрять станки с ЧПУ не хотели: станки дорогие, а рабочий труд дешёвый. Формы вручную делали. Станки у нас тоже производили, только попроще. Стойки управления всё равно, как правило, импортировались. Со всей электроникой дело обстояло, как в той шутке: «Советская микроэлектроника – самая большая микроэлектроника в мире». И вероятность отказов тоже самая большая. А главное – координат было мало.

– Подожди, каких координат?

– Ты в школе училась? X, Y и Z!

– Ладно тебе шутить, она же на журналиста училась, объясни внятно! – вмешалась жена. – Только не надо всю технологию поднимать: литьё в землю, опоки, стержни. Урок про ЧПУ, так давай про ЧПУ.

– Хорошо, – продолжил Павел. – Советскому Союзу обрезали третью координату, она была фиксированная. Помнишь последние советские телефоны? Они все были, как коробочки, с плоскими гранями, иногда с наклонными. Возьмём металлическую заготовку. Чтобы фрезеровать плоскость, нужны две координаты, X и Y. Для фигурной поверхности – три. А если третьей координаты нет, то даже чтобы простую наклонную поверхность сделать, придётся идти лесенкой. Сделаешь один проход – поднимаешь фрезу на шаг, подаёшь на шаг вперёд, и – ещё проход, и так до посинения. Хочешь получить хорошее качество наклонной поверхности – лесенка должна быть с очень маленькими, микроскопическими ступеньками, а это – производительность! Сколько надо раз пройти по заготовке, каждый раз добавляя малюсенький шаг по вертикали, чтобы зубчики были незаметны? И управляющая программа на бумажной перфоленте получалась такой огромной, что на бобину не помещалась. А на импортных станках третья координата – непрерывная, и программа получалась маленькая, а отсюда и машинное время в разы меньше.

– Ну, хватит про это, я уже запуталась.

– Так вот, когда эмбарго отменили, появилась возможность покупать не только станки, но и современные компьютеры, трехмерный софт, для этого и командировку для заводчан организовывали.

– А что, этот завод собирался куклу Барби выпускать?

– Да нет, авиационные двигатели, у них лопатки такой сложной формы, что кукла покажется детским лепетом. Им мощное программное обеспечение нужно было и соответствующие персональные компьютеры, которые раньше были запрещены к поставке в СССР.

* * *

Урок про ЧПУ свернулся, и история про командировку продолжилась.

Директор, конечно, сам не поехал, послал представителей: заместителя по науке и начальника вычислительного центра. Именно они должны были решить, какое оборудование и у кого закупать. Правило такое: тот, кто закупает, тот и отвечает если не головой, то должностью за внедрение и эффективное использование. А с другой стороны, начальство заинтересовано, раз посылает за границу, в государственных конторах желание начальства – закон для подчинённого. Вот и крутись!

Сейчас Израиль у многих ассоциируется со Святой землей и палестинскими террористами, почти у каждого там есть если не родственники, то знакомые, а в те поры, в 1995-м, эта страна ещё рифмовалась со «свободолюбивым народом Палестины», «оккупированными территориями» и «гнездом сионизма». Ехать для клиентов туда было заманчиво, но страшновато, к тому же о самой стране они ничего не знали. Сюрпризом для гостей оказалась даже рабочая неделя – с воскресенья по пятницу.

– Они и в воскресенье работают? У них что, шестидневка? – спрашивает Аллочка.

– Урок номер три. Тема: «Израильские традиции». Воскресенье у них на иврите так и называется: «Йом ришон» – день первый. Бог, понимаешь ли, создал мир за семь дней, причем шесть дней у него были рабочими, а на седьмой он отдыхал, и, как выяснилось, это была суббота. Короче, Sunday, Monday и так далее... Ну, и в пятницу либо не работают, либо – короткий день.

Аллочка не возражает, делает вид, что ничего не знает про Израиль. А может, и впрямь не знает подробностей. Павел продолжает:

– Много было сюрпризов. В первый раз я оказался там ещё за два года до распада Советского Союза, а дип-отношения с Израилем восстановили ещё позже. Ты, кстати, слышала, что руководители Египта маршалы Насер и Амер были Героями Советского Союза?

– Что? Как это вообще может быть?

– Никита Сергеевич Хрущёв наградил! За взятие Суэцкого канала! Египтяне канал национализировали и выиграли войну у Англии, Франции и Израиля – с нашей помощью. В пятьдесят шестом году.

– Ну, так это задолго до моего рождения, – смеется Аллочка.

– Ну да, в пятьдесят шестом. А в университете вас чему учили?

– Ну, уж только не арабо-израильским отношениям!

– И то слава богу. Тогда урок четыре. Тема: «Арабо-израильские отношения». Дипотношения разорвали в шестьдесят седьмом. Советский Союз тогда почему-то воспринял поражение арабов в Шестидневной войне как своё собственное. С другой стороны, это понятно: оружие наше, инструкторы наши, даже десантники наши. Из-за этого нам с шефом пришлось лететь через Швейцарию. И визу в Израиль получали в Швейцарии, Джейсон, швейцарец, помогал.

* * *

С Джейсоном Павел был знаком по первым заграничным командировкам, и тот на проверку оказался израильянином иранского происхождения. В Швейцарии у него был дом, семья и вид на жительство, а бизнес – в Израиле. На иврите его звали Иешуа, что, как выяснилось, одно и то же.

Иешуа был девелопером: выкупал право на развитие территории и строил жилые посёлки и инфраструктуру. В Израиле русских ещё не было, а те, что были, по-русски не разговаривали: либо не помнили, либо не хотели.

Начальник Павла, которого он называл шефом, понимал только по-русски, Павел кое-как знал английский и служил для него переводчиком, и это не только помогало, но иногда и подводило. Хоть в паспорте у Павла и было написано «еврей», он считал себя не евреем, а советским человеком. Советские газеты и советское радио он читал и слушал – куда деваться, но и «вражеские голоса» тоже находил среди помех на коротковолновом диапазоне и старался искать среднюю линию между тем, что врут эти и врут те.

Иешуа повёз их на «Territory», показать еврейское поселение, которое он строил на Западном берегу реки Иордан, и Павел – для ясности – спросил:

– Куда едем, на оккупированные территории?

Добрый друг Джейсон, преобразившийся в Иешуа, взвился:

– Какие оккупированные, ты с ума сошёл? Мне было девятнадцать, когда началась война, арабы напали, все шесть стран, и я отвоевал эти территории! Ты что, не знаешь, что Иордания с 1948-го по 1967 год владела и правым берегом, и Восточным Иерусалимом, на которых по мандату ООН должно было образоваться Государство Палестина!

Это Павел знал.

– И пока они владели этой территорией, – кричал Иешуа, – они говорили: «Зачем нам Палестина? Мы сами Палестина», – и никакого нового государства создавать не собирались. Вместо этого в 1967 году они напали, чтобы сбросить нас в море, и проиграли не только войну, но и эти территории. Всё, вопрос закрыт. Баста!

Про Иорданию Павел не знал, но версию, как началась Шестидневная война, он слышал от своего старшего брата. Брат работал в НИИ, а Павел к тому времени уже учился в институте. Однажды брат вернулся с политучёбы в райкоме партии, туда приезжал лектор из обкома, и, со слов обкомовского лектора, рассказал примерно так:

– Гамаль Абдель Насер, президент Объединенной Арабской Республики, парень был лихой, он позвонил Брежневу и сказал: «Мы вдарим».

Брежнев отвечает:

– Осторожно, не горячитесь, вы уверены? Может, не надо? У израильтян сильная армия, хорошее вооружение...

Как потом выяснилось, у них ещё и разведка была хорошая, МОССАД.

Насер отвечает, типа, не бойсь, всё схвачено, всё будет окей! – и блокирует Акабский залив в Красном море, перекрывая главную судоходную артерию Израиля, ведущую к порту Эйлат, в который поставляются все основные грузы.

Израильтяне расценивают блокаду залива как объявление войны и наносят удар по всем аэродромам и скоплениям войск. Арабы всё равно атакуют. Через шесть дней, когда израильтяне не только отбились, но и стали угрожать Каиру, Насер звонит Брежневу:

– Мир на любых условиях!

Брежнев звонит в Америку, президенту Линдону Джонсону:

– Мир на любых условиях!

Джонсон звонит Ицхаку Рабину, премьер-министру Израиля:

– Мир на любых условиях. – И заключается перемирие.

Дальше, – говорит Павел, – это я уже сам помню: Ицхак Рабин подписал мирный договор с Египтом, дело было при Джимми Картере, в тысяча девятьсот семьдесят девятом. За это поплатился Анвар Садат, следующий после Насера президент Египта: его застрелили на трибуне во время парада войск. Тот же Рабин, он опять был премьером, уже при президенте Билле Клинтоне, в девяносто четвертом, подписал мирный договор с королём Иордании Хуссейном. И с Ясиром Арафатом, председателем Организации освобождения Палестины, за что оба получили Нобелевскую премию мира, правда, мира пока так и не получилось...

– Ты прямо лекцию по истории читаешь, я этим никогда не интересовалась, нам этого не рассказывали ни в школе, ни в университете...

– Аллочка, это всё ещё урок номер четыре, продолжение. Современная история. А для меня это не история, нам тоже ничего такого не говорили, но я живой свидетель тех событий! Война началась 5 июня, а 6-го у меня в школе выпускной экзамен по обществоведению. Я слегка волновался: вчера война с Израилем началась, я еврей. Что будет с моей золотой медалью? Но обошлось...

– Так вот Иешуа. Как же их называть, эти территории? – спрашиваю.

– Так и называй, «территории».

– А те территории, которые были... Которые с сорок восьмого года? И лагеря палестинских беженцев?

– Откуда ты взялся? Вам что, не рассказывали?

«Я, – говорит Павел, – признался».

– Нам всё рассказывали, но совсем не так.

– Так вот, слушай. 14 мая 1948 года Израиль, в соответствии с резолюцией ООН, провозгласил независимость. На следующий день семь арабских стран напали на Израиль. Кстати, определяющую роль в принятии решения ООН сыграл Сталин, он неожиданно поддержал это

решение и дал команду своим странам-сателлитам голосовать за создание Израиля, видимо, в пику Англии.

– Почему в пику?

– Англия не хотела отдавать мандат на управление Палестиной и воздержалась при голосовании. Муфтии и старейшины призвали арабов уйти с территории Израиля, обещая вернуться через две недели обратно, когда евреев сбросят в море. Сулили раздать победителям всё захваченное имущество из еврейских поселений и домов. Но у них ничего не вышло, в море не сбросили. Западные страны объявили эмбарго на поставки оружия Израилю, Франция блокировала отправку уже оплаченных самолётов.

– И как же отбились? Откуда оружие?

– Оружие поставлял Советский Союз через Чехословакию, Сталин даже добровольцев посылал. А через год он приревновал Израиль к Штатам и перекинулся, как говорится, на сторону нефти. А лагеря беженцев арабские страны с тех пор держат, не дают смешиваться со своим населением, не разрешают работать – готовят кадры для новых войн, и ООН их кормит и обучает.

Первые поездки были для Павла полны и других открытий, и главное открытие – Иерусалим, город трёх религий, где каждый камень – история культуры. Ни еврейской, ни мусульманской культур советский человек не знал. Все советские традиции, к изумлению Павла, оказались на поверку христианскими, причём в их православном изводе.

– В церквях я бывал, – говорит Павел, – архитектурные памятники как-никак, а в синагогу и в мечеть попал впервые только на экскурсии в Иерусалиме.

К моменту командировки с волжанами в девяносто пятом он уже чувствовал себя экспертом по Израилю.

Итак, командировка согласована. Билеты Павел заказал из Петербурга: был шанс заодно представить производственникам собственную фирму. Вызвали их в Питер на пятницу, суббота по умолчанию планировалась как свободный день для любования красотами города, а в воскресенье 4 ноября им предстоял путь из поздней осени обратно в жаркое лето. К тому же авиакомпания «Пулково» летала в Израиль только раз в неделю, и именно в воскресенье.

Ввиду критической важности контракта было решено, что Павел должен вылететь раньше и хорошенько подготовить встречи, ведь израильские предприятия совсем не горели желанием принимать гостей, Иешуа с трудом договорился. Для Павла всё, что касалось бизнеса, было внове: цены, бюджет, стратегия развития филиалов по стране, программа обучения персонала.

Лететь Павлу предстояло из Москвы, в ночь со среды на четверг.

– Даты здесь важны, – говорит он. – Они исторические, везде Ицхак Рабин. Но главная тема этого урока, не знаю уж, какого по счёту, Аллочка, – трудности международного авиасообщения в период слома эпох.

Всю среду 1 ноября Павел работал в московском офисе своей фирмы, а поздно вечером отправился в Шереметьево. Израильский перевозчик «Эль-Аль» летал почему-то исключительно глубокой ночью. В аэропорту он ответил на все казавшиеся смешными вопросы службы безопасности, типа: зачем вы едете, к кому вы едете, есть ли у вас родственники в Израиле, везете ли вы с собой оружие, острые, колющие предметы, взрывчатые вещества, – как нормальный советский человек, он всё отрицал (родственники, хоть и двоюродные, всё же были) и был признан годным к полёту. Затем спокойно и без приключений сдал багаж и зарегистрировался на рейс. Приключения начались на паспортном контроле. Он отдал паспорт в будку прапорщику, тот его взял и стал листать страницы, вертел, изучал так и этак. Потом возле прапорщика возник офицер, они что-то обсудили, потом офицер вышел, и из глубины будки донеслось:

– Паспорт недействителен. Вы свободны.

– Как недействителен? Я уже три года по нему летаю!

– Паспорт недействителен! Он остаётся у нас.

– Как у вас? У меня же там виза! Давайте вы дадите мне слетать и отберёте на обратном пути?

– Паспорт недействителен!

– Безобразия!

С прапорщиком, сидящим в будке, спорить бесполезно, начальник смены остался непреклонен, и Павел вернулся в зону регистрации к представителю авиакомпании. Там он оказался не один: несколько человек по разным причинам не смогли вылететь, и их записывали на рейс с четверга на пятницу, со второго на третье. Шансов вылететь завтра без паспорта, без визы явно не было, глупо было записываться на завтра.

– Я был в панике, – говорит Павел. – Через пару дней прилетит делегация, а принять её некому, всё рушится – полный капец! Представь себе, глухая ночь. Шереметьево в девяносто пятом – это пустыня. Несколько кресел в огромном холодном бескрайнем пространстве под высоким куполом аэропорта, тусклый свет, всё закрыто: киоски, магазинчики... Я пошёл искать, откуда можно позвонить жене: ни один из двух телефонов-автоматов не работает, ни междугородний, ни местный, московский. Поймал человека в аэрофлотовской форме:

– Посоветуйте, как позвонить в Петербург или хотя бы в Москву?

– Пойдите на второй этаж, там есть кооперативный киоск, за деньги можно позвонить.

Оказалось, киоск ночью не работает, надо ждать семи утра. Павел когда-то бывал на испытаниях в пустыне на танковом полигоне и говорит, что ночью в пустыне так же пустынно, тихо и холодно, как в аэропорту Шереметьево.

Когда первый шок прошёл, он оказался в состоянии думать. Вспомнил, что этот паспорт, который отобрали, организовал за триста долларов через МИД коммерческий директор их фирмы. Дополнительный паспорт позволял оперативнее получать визы в разные страны. Паспорта в те годы выдавали два министерства: внутренних дел и иностранных дел. В них даже фамилии писались по-разному: в мидовском – по-французски, а в мвдш-ном – по-английски.

– А вдруг это и впрямь были какие-то левые паспорта? – испугался Павел задним числом. По его спине пробежали мурашки генетического страха. – Хорошо, что только отобрали и не посадили! А где же обычный, мвдшный? Точно, он лежит в центральном ящике письменного стола дома, в Петербурге!

– Без паники! – говорит он сам себе. – Надо позвонить!

Очередная пробежка по аэропорту: вдруг открылся переговорный пункт или есть какой-то неизвестный работающий телефон? Нет, всё глухо, зато удалось немного согреться.

Вспомнил: в Шереметьево есть VIP-зал, через который обычно прилетают иностранцы, Павел неоднократно их встречал там, это в правом крыле, на втором этаже. Новая согревающая пробежка – дверь не заперта, на входе никого нет. Павел осторожно заглянул внутрь – людей не видно. При входе стоит стол, на столе телефон.

Павел сделал паузу, долил всем вина и спросил:

– Ну как, не спите? Я вас ещё не замучил? – и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я прокрался к столу, чувствовал себя прямо как Штирлиц, снял трубку – трубка живая, отзывается зуммером. Набрал восьмёрку – переключилось на междугороднюю.

Дальше он делает звонок другу, благо записная книжка со всеми телефонами у него с собой, и просит добыть мвдшный паспорт. Нужно забрать его из дома, жена найдёт, и переслать в Москву. Друг Павла двадцать лет «заносил хвосты самолётам» в Пулково и всех знает.

Друг всё понял, обещал всё сделать и передать через командира корабля, велел встречать первый рейс Пулковских авиалиний, рейс прибывает в Шереметьево около 10 утра.

– Знаешь, Аллочка, афоризм Станислава Ежи Леца? – говорит Павел. – Допустим, ты пробил головою стену, что ты будешь делать в соседней камере? Следующая проблема: как добыть визу?

Визовый отдел израильского посольства принимает до 11, самолёт прилетает в 10. Надо успеть из Шереметьево в Москву меньше чем за час... Для получения визы нужно ещё письмо с работы, с подписью и печатью, что гражданину такому-то нужна виза для поездки в Израиль и компания просит выдать эту визу.

Пять утра. Звонить директору московского филиала рано. Да и неоткуда. Павел пытается читать: жена дала с собой книжку стихов Бориса Слуцкого. Имя известное, поэт-фронтовик, песню про лошадей в океане все знают, можно попробовать скоротать время.

Бог
Мы все ходили под богом.
У бога под самым боком.
Он жил не в небесной дали,
Его иногда видали Живого.
На Мавзолее.
Он был умнее и злее
Того – иного, другого,
По имени Иегова...

Сильный стих, и к месту – Москва рядом, а вот попасть на место гнездования Иеговы становится проблематично: невидимые пути и стечение обстоятельств мешают...

Павел греется в движении. Всё равно холодно. Шесть утра. Холодно. Наконец в семь начинается шевеление в киоске с платным телефоном. Киоск открывается. Звонок директору филиала: нужно напечатать требуемое письмо – бланки с печатью у него есть и привезти его в израильское консульство. Вроде всё? Нет, нужно, чтобы по дороге он купил одну шоколадку: Нине, которая сидит в окошке консульства, принято дарить шоколадку, тогда есть шанс получить визу в тот же день – просто просунуть в окошко вместе с анкетой. Нина строга: если всовываешь две шоколадки, то одну она без слов, остервенело выталкивает обратно.

В десять объявляют о прибытии самолёта из Питера. В 10:20 выходит экипаж, и командир вручает Павлу паспорт. Такси летит в город, на Большую Ордынку, – в девяносто пятом году из Шереметьево в Москву ещё можно лететь, а не ползти. К посольству Павел подбегает с опозданием минут на семь, охрана не пускает, но благодаря крикам, напору и маханию бумагами ему удаётся прорваться внутрь. Нина ещё в окошке, он за минуту заполняет анкету и стучит в стекло шоколадкой, Нина принимает анкету, письмо и шоколадку, и Павел ещё на ступеньку ближе к искомой цели. Теперь надо ждать трёх часов, стихи читать не получается, после бессонной ночи даже сильные стихи усыпляют, можно расслабиться и покемарить хорошо, что из консульства не выгоняют...

Дальше всё проще: в 15 часов начинают выдавать визы, Павлу выдают последнему. Он едет в офис, ждёт позднего вечера, потом – в Шереметьево, стоит в очереди в ожидании регистрации – всё, как накануне вечером. В Шереметьево по-прежнему холодно. В два часа ночи начинается процедура. Секьюрити – это они уже проходили, всё в порядке; регистрация – и тут опять облом: мест нет, он же не записался на четверг! Ночь на пятницу, последний день рабочей недели – все израильтяне возвращаются домой. Самолёт набит под завязку, но есть надежда, что кто-то опоздает. В листе ожидания семеро, Павел – первый.

Регистрация заканчивается, выясняется, что есть два свободных места. И тут возникает израильтянин. У него преимущество: сильные локти, знание иврита и беременная жена. Результат: Павел – первый, кому мест не хватило.

Разум требует сдать, но азарт не даёт. Ещё одна ночь, проведённая на ногах в аэропорту. В шаббат «Эль-Аль» не летает, в субботу летает только российская компания «Трансаэро».

– Делегация, делегация, делегация – пульсирует в мозгу. Контракт, контракт, контракт... Может, вернуться в Питер? А билеты на пулковский рейс где взять? Нет, надо пробиваться, метаться глупо. Теперь это вопрос принципа. И будущего, конечно.

Павел обращается к представителю: объясняет ситуацию: паспорт, виза, делегация, космос, спрашивает: что делать? И – о радость! – представитель выписывает всем пятерым бедолагам эндорсмент, переадресацию на субботний рейс «Трансаэро»! Эти благородные люди везут незадачливых пассажиров в шикарный четырёхзвёздочный отель при аэропорте и бесплатно поселяют на ночь, вернее, на то время, что осталось от ночи.

Павел отрубается на четыре часа, утром все собираются в лобби, и их везут в аэропорт на регистрацию. Рейс «Трансаэро» выполняет Ил-86, и он полон. Свободных мест нет. Сил расстраиваться уже не остаётся, но внезапно приходит благая весть: рейс задерживается по технической неисправности самолёта. Через некоторое время взамен неисправного Ил-86 дают два Ту-154, а в двух Ту мест больше, чем в одном Иле. Здравствуй, Израиль!

* * *

В Израиле жара. Жара на улице, но помещения аэропорта продуваются мощными кондиционерами, атмосфера комфортная. В такси, в гостинице тоже кондиционеры работают на всю мощь. Из номера Павел звонит своему партнёру Эзре, подтверждает прибытие.

– Я тебя приглашаю домой поужинать, – басит Эзра в телефонную трубку. – Будет вся моя семья.

Неожиданно, но от такого предложения не отказываются: Павел ещё никогда не бывал дома у иностранцев, обычно они неохотно приглашают к себе. Эзра живет совсем рядом с гостиницей, в центре, идти пешком пять минут, не больше. Погода вечером тёплая, как летом в Сочи: так же темно и веет ароматом субтропиков.

Квартира занимает весь этаж точечного дома. К приходу Павла все, а это несколько пар взрослых и куча детей, уже сидят за длинным столом. Во главе – отец Эзры, крепкий пожилой мужчина, никак не старик, лет под семьдесят. Из знакомых – только Эзра и его жена. Оказалось, это братья, сёстры, некоторые из них двоюродные, с женами, мужьями и детьми, у каждой пары по два-три ребёнка. Мужчины в кипах, нашлась кипа и для Павла. Отец разлил всем вина и прочёл молитву, все пригубили кагора, дали пригубить детям, хором проговорили «амен» и приступили к салатам.

– Стоило мне откусить кусок питу, – рассказывает Павел, – как меня шилом пронзила страшная зубная боль. Я схватился за щёку, все всполошились. Попросил водки – в ожидании русского гостя водку запасли. Полоскание водкой на время помогло, боль приутихла, успокоились и остальные. За столом говорили на иврите. В соседней комнате работал телевизор.

Внезапно все замолчали. Эзра метнулся в соседнюю комнату и вернулся с сообщением:

– Тяжело ранен Ицхак Рабин. Говорят, что стрелял еврейский правый экстремист, такого ещё не было, чтобы еврей стрелял в еврея!

– Как не было! – возразил отец Эзры с философским спокойствием. – Так бывает. Когда-то Рабин стрелял в меня, теперь кто-то стрелял в Рабина, ты же знаешь!

– Пошли, – Эзра совсем не был так спокоен, а наоборот, был очень возбуждён, – здесь недалеко. Я тебе по дороге расскажу.

Они выскочили из дома, и, пока бежали, Эзра рассказывал:

– Отец прибыл в Израиль вплавать. Это такое выражение, но оно буквально передаёт те события. Палестина была английской подмандатной территорией, и англичане не давали

евреям-беженцам из Европы разрешения на въезд. Беженцы прибывали в основном нелегально. Отец после службы в британской армии добровольцем шёл на одном из таких судов, на «Альталене».

Внезапно по ним открыли артиллерийский огонь, но оказалось, что это не англичане. И не арабы. Из пушек с берега стреляли свои. И это были отряды левого правительства Израиля. Артиллерией командовал Ицхак Рабин.

* * *

Вспомнили про чай. Жена принесла чайник, разлила чай по чашкам, разложила торт на тарелочки.

– У Сталина были разные основания поддерживать создание Израиля. Насолить англичанам. Сделать Израиль советской республикой. Потом Муфтий Каира, он дружил с Гитлером, я сам видел газету «Правда» за сорок восьмой год, где его называют фашистским прихвостнем, – сказал Павел и замолчал.

Когда с тортиком и чаем было покончено, он продолжил:

– История «Альталены», с которой был связан отец Эзры, будет урок номер следующий. Тема меня заинтересовала, и я прочитал о ней в интернете, когда уже вернулся домой, – говорит Павел. – Эти трагические и странные события произошли 21 июня 1948 года, через месяц после образования Государства Израиль. Временное правительство во главе с Бен-Гурионом было левым, почти что коммунистическим, просталинским. Им противостояли правые, во главе с Менахемом Бегиним.

Как только провозгласили создание Израиля, евреи, в основном правой политической ориентации, купили американский танкодесантный корабль, французы продали им оружие, добровольцев набрали по всему миру: из Америки, Англии, Новой Зеландии, Латинской Америки – и направились к берегам Палестины, чтобы помочь новому государству отбиваться от превосходящих в сотни раз по численности сил арабов.

За время, что корабль шёл к берегам Палестины, ООН успела объявить перемирие и запретить продажу и поставку оружия в зону боевых действий. Продажа уже состоялась, французы получили свои деньги и оказались ни при чём, а разгрузка становилась незаконной. На корабле этого не знали, капитан – кстати, американец дал команду разгружаться, по кораблю стали стрелять из пушек.

Правительство опасалось захвата власти правыми, а также международного осуждения, поскольку всё происходило возле городского пляжа с видом из окон гостиницы, где жили посредники – наблюдатели ООН.

Сначала правительственные чиновники дали приказ нанести по кораблю удар с воздуха, но пилоты, добровольцы из Англии и Франции, отказались, они ехали воевать против арабов, а не против своих. На командном пункте по случаю оказался бывший офицер Армии обороны Израиля, он просто приехал навестить свою девушку, она жила по соседству. Офицер проявил инициативу, взяв командование на себя, и отдал артиллеристам команду стрелять. Артиллеристы стрелять по своим тоже отказались. Этот офицер проявил упорство и всё же нашёл двух артиллеристов: заряжающий был новозеландцем, наводчик – из России, и корабль был подбит двумя точными выстрелами. Начался пожар, люди стали прыгать в воду, по ним с берега стреляли. Офицера, отдавшего команду стрелять, звали Ицхак Рабин.

– Пока Эзра рассказывал, мы с ним, – продолжает Павел, – подошли к огромной площади. Люди толпились, море горящих светильничков заливало все видимое пространство. Воздух колебался, и контуры людей расплывались в неясном сумеречном свете. Эзра объяснил, что в первые годы здесь, в Израиле, на этой площади всё было как в СССР: демонстрации по случаю Октябрьской революции и Первого мая, профсоюзные митинги... Потом пафос ослабел...

Он порасспрашивал народ, и ему рассказали, что в тот день был митинг, что в Рабина стрелял правый экстремист, что Рабина уже увезла скорая. Люди не расходилась, гадали: жив он, убит... Волнующее и печальное зрелище...

Прошёл слух, что Рабин умер, но подтверждения не было. Люди стали расходиться, Павел и Эзра тоже отправились по домам. Ночью выяснилось, что выстрел был смертельным. Утром в воскресенье 4 ноября Павел пришёл к Эзре в офис и узнал, что похороны состоятся в тот же день, как принято, и что аэропорт Бен-Гурион закрыли на сутки в связи с трауром и прибытием для прощания руководителей иностранных государств. Авиакосмическая делегация застряла в Петербурге.

* * *

Следующий день – день траура Павел провёл у стоматолога, доктора Рабиновича, родом из Житомира. Доктор возился с Павлом часа два: обезболивал, сверлил, удалял нервы из каналов, пломбировал – и всё это время, со своим местечковым акцентом, рассказывал историю эмиграции, как ему с боями удалось выехать из СССР, что было на пересадке в Риме, как ему пришлось подтверждать диплом... Деваться всё равно было некуда, Павел терпел. Так или иначе зубную боль он снял.

Коллеги-волжане тем временем наслаждались красотами Петербурга и разваливающегося аэропорта Пулково. Город был в ужасающем состоянии, обшарпанный, дороги – как после бомбёжки, но всё равно величественным. В Тель-Авив они прилетели днём в понедельник, но на задержку не сетовали: к тому же командировка законно продлевалась на сутки. Программа сдвинулась, и принимающей стороне пришлось все встречи планировать заново, но зато образовался свободный вечер.

Главная достопримечательность Тель-Авива – Средиземное море. Павел с гостями флажировали по набережной, любясь отсветами волн, наслаждаясь вечерним бризом, слушая стрекот цикад, вертолётов и шум садящихся пассажирских самолётов. Было не жарко, но и не холодно, дул небольшой ветерок с моря, и рубашки с длинными рукавами было бы достаточно, но оба визитёра были в костюмах.

Тот, что старше по возрасту и по должности, оказался доктором наук и профессором, – был даже при галстукке. Второй – мужик попроще, без галстука, верхняя пуговица на рубашке расстёгнута, – начальник вычислительного центра, а начинал он свою карьеру инженером-испытателем, много где побывавшим, много чего видевшим, даже на испытаниях ядерного оружия довелось ему когда-то присутствовать.

Павел тоже рассказывал о своей фирме, о себе, старался обаять потенциальных покупателей и подружиться с ними.

– Слушай, дорогая, – говорит Павел, обращаясь к Аллочке. – Вам, журналистам, не приходится ничего продавать, вы продаёте себя, свой талант. Но искусство продавца – это тоже настоящее искусство, и оно у нас, спасибо дефициту, Марксу, Энгельсу и советской власти, недооценено. Чем дальше живу, тем больше убеждаюсь в правильности выведенной мною формулы: изготовить – это всего лишь четверть стоимости товара; упаковать – ещё одна четверть, а продать – оставшаяся половина. Грубо говоря, сделать может каждый, а вот продать – это искусство. Делать так или иначе нас учили, а вот продавать – этому надо учиться с детства. Для нас, по крайней мере, это трудно.

– Трудно возразить, – подхватывает Аллочка. – Я и себя-то никогда не умела продать, не то что товар какой-нибудь.

– Вот и перед клиентами, – продолжает Павел, – я распинался примерно в том же духе. Искусство продажи, говорил я, глядя в глаза заместителю генерального директора, чего угодно: видеокамер, одежды, автомобилей, программного обеспечения – состоит в том, чтобы внушить

вам, покупателям, доверие, что товар хороший, сервис надёжный, что вы не останетесь один на один со своими проблемами, если они возникнут. Покупают не товар, покупают у продавца. Раньше, в эпоху дефицита, эта наука, наука продаж, была для нас не только за семью печатями, но и считалась позорной, а в новые времена, времена изобилия, оказалось, что это – половина дела, половина успеха. А вторая половина – техническая поддержка, и наша компания, натренированная западными партнёрами, – лучшая, другой такой не найдёте.

Пафос сбила фигура, появившаяся откуда-то сбоку, из темноты. Это оказалась женщина средних лет, одетая тоже по-европейски, по-городскому – кофточка с плиссированной юбкой. Она дружелюбно по-русски поздоровалась и сказала:

– Здравствуйте! Извините, что прерываю. Давно приехали? – Обращалась она ко всем, но особенно к доктору наук.

– Только сегодня, – ответил он любезно.

Павел уже знал, что сейчас беседа пойдёт по традиционному сценарию: «Откуда вы? А вы давно ли в Израиле? А у вас есть здесь родственники или вы по работе?»

Так или иначе дружеская беседа завязалась, она длилась довольно долго, уже минут десять, когда вдруг собеседница удивила: она взяла профессора под локоток и спросила скороговоркой, глядя ему в глаза снизу вверх:

– Не хотите ли отдохнуть?

– Что? – выдохнул профессор севшим голосом.

– Отдохнуть не хотите? – она повторила внятно и строго, с упором на слово «отдохнуть».

– Нет, – отрезал профессор более громко, чем следовало бы, вырвался из рук спутницы и шарахнулся в сторону моря. Знающие люди говорят «взял мористее».

Женщина резко ушла в другую сторону, в сторону города и исчезла из виду.

– Испугались? – подначил его коллега. – А вы ей понравились, смотрите-ка, она чувствует, кого выбирать. Не рядового специалиста, а руководителя, у ней глаз-алмаз!

Начальник смущённо молчал. Потом проговорил:

– Надо же, я и не понял, чего она хотела, а с виду такая приличная женщина!

* * *

Поездка по стране удалась, а самое сильное впечатление на гостей произвёл завод по производству режущего инструмента, где в цеху работали роботы и не было людей. Транспортные роботы возили поддоны с заготовками и деталями по магнитным дорожкам, а роботы-погрузчики брали с поддонов заготовки, устанавливали их на станках, снимали детали со станков, складывали их на поддоны. В большинстве компаний, где удалось побывать, были русскоговорящие специалисты. Тогда было ещё в диковинку, что за границей говорят по-русски.

Завершала визит встреча с руководителем спутниковой программы Израиля. Из-за того, что весь график сбил, встречу устроили вечером, в ресторане. Эзра был очень доволен, что ему, несмотря ни на что, удалось её организовать, ведь гостям важны были контакты за границей, все тогда мечтали об экспорте нашей продукции.

Наши пришли немного заранее, и, пока ожидали, Эзра как бы невзначай сказал, что руководитель компании, которого они ожидают, – генерал, бывший руководитель израильской внешней разведки МОССАД во время Шестидневной войны.

Генерал появился точно в назначенное время. Он оказался высоким и сухощавым немолодым человеком.

Элегантный, с низким голосом и мягкой манерой общения – от него веяло силой и обаянием. Обменялись визитными карточками, обсудили планы возможного сотрудничества, выпили за их успешную реализацию. Каждая сторона рассказала о своих проектах, снова выпили.

Генерал вёл себя просто, по-дружески, будто мы ровесники и знакомы уже тысячу лет, говорит Павел. Он буквально зачаровал меня своей значительностью.

Вино сокращает дистанцию и развязывает языки; наверное, поэтому, когда разговор приблизился к концу, Павел отважился спросить:

– Извините за такой вопрос, но что вы думаете по поводу убийства Рабина?

Генерал помолчал, потом посмотрел на собеседника и раздумчиво произнёс:

– Я могу сказать лишь одно: не хотел бы сейчас оказаться на посту руководителя спецслужбы, которая отвечает за безопасность... – и, переведя разговор в другую плоскость, спросил: – Вы интересуетесь литературой?

– Вообще-то, да, – удивился Павел.

– У меня в Москве был кузен, умер, к сожалению, известный поэт, может быть, вы слышали...

– Кто это?

– Его имя Борис Слуцкий!

– Борис Слуцкий! Он не просто известный, он один из самых больших советских поэтов! У меня даже с собой книга его стихов!

Генерал показал кулак с поднятым большим пальцем в знак одобрения.

– Вы знаете, когда моя мать приезжала в Москву, он так и не встретился со своей тёткой. Это было много лет назад...

– Почему? Неужели он испугался?

– Я не знаю. Может быть. Кстати, этим летом мы с женой впервые собираемся в Россию, будем путешествовать целый месяц, взяли круиз по Волге, хотим заехать в Москву, в Петербург.

– Сейчас не те времена. Теперь мы можем встречаться с любимыми иностранцами! – воскликнул Павел. – Если будете в Петербурге, позвоните, у меня на визитной карточке телефон, я покажу вам интересные места в городе!

– Обязательно позвоню, – усмехнулся он и вдруг по-дружески приобнял и как-то по-отечески похлопал Павла по плечу.

* * *

– Это была успешная поездка, – говорит Павел, допивая чай. – Мы заключили большую сделку, продали оборудование на предприятие, много лет ездили на их площадку для внедрения, потом на обучение, устраивали семинары для расширения числа пользователей, пока не сменили директора. Новый директор назначил новых людей. Заместителя – доктора наук, с которым мы ездили в Израиль, – отправили на пенсию. Затем у меня начались проблемы с зубами, теми, что чинил доктор Рабинович. Потом пришла весть, что начальник вычислительного центра умер от лучевой болезни: когда-то, как выяснилось, во время испытаний он схватил дозу. Пока начальник вычислительного центра был на своем посту, всё оборудование работало и приносило пользу. Новый начальник стал закупать новое оборудование у новых поставщиков – всё как обычно: денег не жалко, когда они казённые...

Вот так все и сплелось: и спутники, и Рабин, и МОССАД, и поэзия, и зубы, – усмехается Павел. – И генерал сильное впечатление произвёл, хотя встреча с ним осталась без последствий – во всех смыслах: тендер на израильский спутник выиграло украинское КБ, а мне генерал так и не позвонил.

А тогда, по возвращении домой в Петербург, когда напряжение отпустило, но впечатления были ещё живы, я стал докладывать своему шефу о результатах поездки, о встрече с руководителем спутниковой программы Израиля.

– Это оказался легендарный человек! – Я всё ещё находился под обаянием этого супергероя. – Бывший директор МОССАД, представляете себе! Он собирается летом в круиз по Волге, а потом приедет в Питер, обещал позвонить, встретиться!

– Бывших директоров МОССАД не бывает, – холодно сказал шеф. – Подумай хорошенько, надо ли тебе с ним встречаться ещё раз. Со спецслужбами, как пишут умные люди, вход – рубль, выход – два.

Павел рассказывает эту историю, а сам крутит в руках уже пустой бокал. Поднялся ветер с залива и, как обычно, раскачивает сосны, а ветер доносит йодистый запах водорослей. Павел закрывает окна веранды и говорит:

– Покойный шеф был на поколение старше. Они все пуганые хоть и в детстве, но застали сталинские времена, когда за встречу с иностранцем можно было загреметь в места не столь отдалённые. Мы-то продукт хрущёвского времени, болтать, по крайней мере, не боимся – язык без костей! Тем не менее шеф заставил меня задуматься, что, может, и хорошо, что генерал больше не проявился.

– Что, так и не позвонил? – спрашивает Аллочка.

– Не позвонил, – смеется он. – П правильно сделал. Не зря у него была репутация умного человека. Думаю, когда он хлопал меня по плечу, он слегка посмеивался над моей наивностью...

– Слушай, – говорит Аллочка, – четверть века прошло, и как ты всё это помнишь?

– Как тут не помнить, – отвечает Павел. – Генерал – это приятный эпизод. Вот доктора Рабиновича всю жизнь буду помнить. Зуб даю! Даже три зуба!

– А можно я спрошу, почему вы в девяностые не уехали, как все?

– Аллочка, кто уехал, а кто не уехал. Многие уехали, это правда, но не все. Мы же не уехали! У нас была работа, были надежды, перспективы... Потом возникли другие обстоятельства, но сейчас я думаю, что мир стал един. Поздно уже, давайте спать ложиться, поговорим об этом в другой раз!

Магия имени

Мой отец говорил: имя должно быть коротким и без «р». А вдруг ребёнок будет картавить, и что? Даже своё имя не сможет правильно произнести? Вот, например, писатель Константин Симонов – знаменитый человек, а мучился, переживал! По-настоящему его звали Кирилл, но он не мог выговорить «р», и ему пришлось стать Константином...

Я не в обиде на родителей, мне нравится моё имя-отчество: Леонид Ильич. Уверен, один из Михалковых симпатизировал Хрущёву по тем же причинам, что я – Брежневу, а Брежневу я всегда симпатизировал. Леонид Ильич это вам не какой-нибудь Николай Викторович или Алексей Николаевич. Чем дольше правил Леонид Ильич, тем эффективнее я входил в кабинеты. В советские времена это било наповал.

– А, привет! Заходи! – и большой заводской начальник оборачивается на портрет моего тёзки, который висит у него за спиной, потом по-свойски подмигивает мне, молодому инженеру, кивком приглашает к столу и говорит: – Ну, что там у тебя?

Поминать имя Леонида Ильича всуе было дерзко, но прикольно. Иногда меня называли даже Владимиром Ильичом. Тогда я скромно улыбался: «Ну что вы, что вы! Вы меня повесили, я всего лишь Леонид Ильич».

Поначалу, когда после Хрущёва к власти пришел триумvirат, наверху было решено: никто и никогда не будет совмещать главные посты в государстве. Сосед по парте Саша Воробьёв не одобрял моей любви к Брежневу и с самого начала подозревал генерального секретаря в наполеоновских замашках.

– Ты посмотри, этот мордастый всё время лезет вперёд, рожа протокольная, – говорил мне Воробьёв, рассматривая на перемене газету «Известия». Он её приносил из дома и демонстративно читал перед обществоведением. Предмет вела историчка, секретарь школьного парткома, она уважала политическую подкованность учеников – со всеми вытекающими оценками.

Сам Воробьёв, кандидат в мастера спорта по плаванию, был крепким и тоже довольно-таки круглолицым, и мне бывало немного обидно за Брежнева, хотелось даже сказать: «На себя-то посмотри!»

– Да брось ты, они все мордастые, – вяло защищал я своего фаворита.

Воробьёв был видный парень, ему благоволила ещё и физичка по прозвищу Лошадь. Девочек, напротив, она недолюбливала, задавала вопросы вроде: «Какие у вас резинки на чулках?» – это к теме остаточной деформации. А когда отвечающая краснела и начинала всхлипывать, то физичка роняла: «Ну ладно, ладно» – и, поворачиваясь к моему соседу, говорила с благостной улыбкой: «Вот Воробьёв может хороший пример на остаточную деформацию привести».

Воробьёв был из рабочей семьи, его пролетарское чутье я оценил через десяток лет, когда Брежнев «съел» Николая Викторовича Подгорного и стал президентом страны, совместив этот пост с генсековским.

Со временем Брежнев забурел, стал «дорогим Леонидом Ильичом», потом молва присвоила ему титул «зовите меня просто Ильич». Всё это прямо отражалось и на мне. Пик популярности я ощутил в отделе кадров ВНИИ, куда меня распределили после вуза. Кадровая служба иначе, как «наш Ильич», меня не называла.

Потом тёзка заболел коллекционированием орденов. И я не остался в стороне: меня, как молодого учёного, выдвинули на грамоту ЦК ВЛКСМ, тоже неизвестно за что. Это был мой самый большой взлёт в комсомольской карьере, и с этим я улетел в отпуск «на юга», в Сочи. С этого же момента начался мой самый крутой комсомольский спуск.

Прежде чем продолжить описание моих комсомольских приключений, расскажу о семейной трагедии, на фоне которых эти приключения происходили: моя любимая тётушка, школьная учительница русского языка и литературы, совсем нестарая, только недавно вышла на пенсию, так у неё обнаружили рак в запущенной форме. Уже развивалась водянка, и раз в две недели необходима была операция по откачиванию ведра жидкости из брюшной полости. Спустить её по лестнице на табуретке с четвёртого этажа мне каждый раз помогал кто-нибудь из друзей. Такси подвозило к приёмному покою больницы, один из нас бежал за креслом-каталкой, туда пересаживали пациентку и тянули-толкали эту вихляющую таратайку по ухабистым больничным коридорам. В операционной пересаживать на гинекологическое кресло иногда помогала медсестра. Потом шли искать хирурга и заманивать его на операцию. Врач был хороший: приходил и умело делал прокол. Потом мы с другом ловили такси, доставляли тётю обратно на её четвёртый этаж, и я в полуобморочном состоянии ехал на работу.

ВНИИ было с военным уклоном, поэтому, кроме нас – инженеров-программистов, там работали отставники, «чёрные полковники», которых называли так по аналогии с военно-морской хунтой, захватившей тогда власть в Греции. В каждой лаборатории – по полковнику. Они получали 520 рублей в месяц, а мы, молодые специалисты, – 110. За эти деньги они очень любили ходить «на морковку», ведь прополка, сбор корнеплодов, переборка на овощебазе – всё было, по их мнению, гораздо здоровее, чем протирать штаны в институте и изобретать тактику боевого применения оружия. А мы, за наши 110 рэ, не любили копаться в земле и грязных овощах. У нас с полковниками был своеобразный пакт: мы их не трогаем, и они нас не трогают, а «на морковку» ходим поровну: кто охотно, а кто неохотно.

Вернулся я из отпуска загорелый и готовый к дальнейшим подвигам на научном и морковном фронтах, и вдруг меня вызывают к начальнику отдела. Это было странно, к начальнику

отдела всегда ходил только заведующий нашей лабораторией. Другой странностью было то, что во главе стола на месте начальника сидел парторг, «чёрный полковник» Фёдор Иванович со своим красным носом картошкой. Начальник отдела притулился сбоку, напротив начальника восседала профорг, рядом с ней – мой друг Володя, комсорг.

«Заседание „четырёхугольника“? – промелькнуло у меня в голове. – Может, грамоту ЦК хотят вручить? А то и премию объявят!»

Я хотел приветствовать собрание непринуждённой шуткой, но шутка никак не принуждалась: лица у всех серьёзные, напряжённые, и все смотрят не в лицо, а куда-то мимо.

Вообще-то, парторг был колоритной фигурой: боевой офицер, друг Фиделя Кастро. Его звёздный час пришёлся на Карибский кризис. Он командовал частью, что должна была стрелять нашими ракетами по Америке. Фидель приехал к нему в расположение, взволнованный: будет ли Советский Союз защищать Кубу или нет? Фёдор Иванович по-дружески приобнял легендарного команданте кубинской революции за плечи и сказал ему на чистом русском языке с волжским акцентом: «Не волнуйся, Фидель, мы с тобой». Фидель обрадовался, и они выпили. Однако вскоре Хрущёв договорился с президентом Кеннеди убрать ракеты с Кубы, а Фиделя не спросили и даже не поставили в известность. Команданте страшно обиделся и на время очень охладил к советско-кубинской дружбе. Но Фёдор Иванович был не виноват, что поделаешь, большая политика. Фёдор Иванович любил рассказывать этот боевой эпизод своей биографии на морковных грядках во время перекура под лёгкую закуску.

Начальник отдела, который скромно сидел за столом сбоку, был худеньким, невзрачным человеком с тихим голосом. Местные остряки называли его «бледная немочь» и сочинили про него стих: «У начальника отдела никакого нету дела». Или тела, в зависимости от ситуации.

Профорга за комплекцию называли «крупный инженер». Она была второй женой старшего научного сотрудника из соседней лаборатории. Обычно её больше всего волновали вопросы продовольственных заказов, путёвок и кассы взаимопомощи. Кстати, её предшественница, первая жена этого старшего научного сотрудника, тоже работала в соседней лаборатории вместе со своим бывшим мужем, она была замужем за сотрудником из нашей лаборатории – такая вот квадратура круга.

Четвёртый член «четырёхугольника», мой друг и босс по комсомольской линии Володя сидел рядом с профоргом.

Фёдор Иванович показал на свободный стул на торце стола.

– Что это ты, Лёня, так ведёшь себя? Раньше за тобой такого не замечалось! – неожиданно говорит Фёдор Иванович в своей окающей манере.

– А что такое? – удивляюсь я вслух, а сам судорожно перебираю свои возможные грехи.

Какие у молодых специалистов могли быть грехи? Нарушение правил работы с секретной документацией? Вроде не было. Опоздания на работу? На проходной ни разу не ловили. Разговоры по телефону? Но я всегда помнил про надпись на аппарате: «Внимание, телефон прослушивается». Тем более после того случая, когда в лабораторию по внутреннему телефону (городской был только в кабинете начальника отдела) позвонила мама. Женат я ещё не был, жил с родителями.

– Лёня, я тебя разыскиваю. Ты почему вчера дома не ночевал?

Я стал мяться, объяснять, что вчера вечером телефоны-автоматы не работали, а сегодня ещё не успел позвонить. Выручил диспетчер, который возник на линии и сказал железным голосом:

– Прекратите внеслужебные разговоры.

Мама испугалась, повесила трубку и больше никогда мне на работу не звонила.

– Фёдор Иванович, я ничего такого не делал!

– На тебя жалуются, что ты ведёшь антисоветские разговоры.

– Я – антисоветские разговоры? Да ни в жисть!

– А кто сказал, что в Советском Союзе медицины нет?

Говорят, у человека два состояния в жизни: «всё – х-ня» и «полный п-ц»... Наступило второе. Я вспомнил тот разговор, была такая фраза... Антисоветские разговоры – это лишение допуска, лишение – это значит увольнение с работы. А отец, брат... Всем конец... Конец моим амбициям: будущей диссертации, карьере, и всё из-за какой-то ерунды! Прошиб пот, ноги ослабели, стоял бы – упал. А все сидят молча, брови насуплены, цвет лица Фёдора Ивановича сравнялся с цветом носа, как светофор, профорг смотрит в сторону, начальник – в пространство...

Только что перед самым отъездом в Сочи меня подзывает начальник нашей лаборатории:

– Сходи к Гребнёву в соседнюю лабораторию за документом. Он знает, что мне нужно.

Вхожу к соседям, когда «чёрный полковник» Гребнёв обсуждает с молодёжью успехи советской медицины. Я забыл, за чем шёл.

– В Советском Союзе медицины нет! Я прямо из больницы, тётке операцию делали. Это ужас: грязь, жуть, медикаментов нет, инструментов нет, персонала нет! – сказал я в пространство.

– Ну, зачем же обобщать, это частный случай, – парировал Гребнёв ласковым голосом.

– К сожалению, это система, – сказал я и впервые осознал ужас медицинского диагноза.

Вот же, Гребнёв грёбаный, заложил! Чего ему не хватает, старому псу! Полтыщи в месяц огребает, ничего не делает, первый на морковку бежит, а всё ему неймётся! Частный разговор хочет раздуть в политическое дело! – думаю про себя, а что возразить – от страха никак не придумывается. Наконец сообразил:

– В Советском Союзе медицины нет, это не секрет, – говорю я, глядя в глаза Фёдору Ивановичу. – Я об этом уже письмо в «Правду» написал.

Прозвучало как-то по-детски, неубедительно. Тем более что письмо в «Правду» я не писал, хотя сгоряча и собирался. Холодок внизу живота не проходит. Фёдор Иванович покачал головой:

– Нехорошо! Зачем так говорить!

Везёт мне в жизни на друзей пролетарского происхождения. Мой комсомольский начальник Володя – сын кузнеца. Видимо, быстрый ум нужен в кузнечном деле и передаётся по наследству. Мастер по части импровизации, Володя был к тому времени автором многих поэтических строк, например:

Лошадь убивает капля никотина.

Ни за что страдает бедная скотина.

Звезда институтских Дней Дурака, Володя дурака и включил:

– Фёдор Иванович, а что тут такого? Вот когда вы про его тёзку говорите, что у того скоро места на груди для орденов не хватит, так это ничего, а когда Лёня сказал, так это чего!

Повисла пауза.

Неожиданно подал голос начальник отдела:

– Я думаю, это досадное недоразумение. В нашем отделе разговоры должны вестись только по делу.

– Он больше не будет, это он по молодости, по неопытности, – сказала профсоюзная нимфа, которую Володя любовно именовал «нимфища». Правда, за глаза.

Фёдор Иванович, выдержав паузу и, видимо, обдумав ситуацию, сказал:

– Ладно, давайте забудем.

В результате грамоту ЦК ВЛКСМ мне не дали, но и политического дела не раздули. Сыграли по нулям, спасибо тёзке. Так сработала магия имени. Но урок я из этого извлек и пошёл работать на завод, где не было «чёрных полковников» и секретности.

* * *

Некоторое время спустя у моего тёзки случился инсульт, он стал невнятно говорить, зато появились его книги «Малая земля», «Возрождение», «Целина» – эти книги проходили в школе, творческий потенциал его не угас. Кстати, как и у меня сейчас. Но в конце концов настал печальный день.

В день смерти Леонида Ильича пришло распоряжение: организовать круглосуточное дежурство на всех предприятиях. Во избежание беспорядков, как объяснил потом мне отец. Догадаетесь, кого назначили дежурным? Пришлось в память о тёзке спать всю ночь на стульях в кабинете начальника вычислительного центра. А портреты Леонида Ильича вскоре исчезли со стен кабинетов.

Потом были два года пышных похорон: члены Политбюро один за другим уезжали на оружейных лафетах в сторону кремлёвской стены. Пришёл молодой лидер, обозначились новые веянья в политике страны: гласность и перестройка.

В свете этих веяний сам секретарь горкома партии собственной персоной решил посетить наш завод. А наше начальство надумало порадовать секретаря рапортом о новом внедрённом проекте. Горкомовская «Волга» проследовала на вычислительный центр, не останавливаясь на проходной, и замерла прямо у двери инженерного корпуса. На второй этаж секретарю горкома всё же пришлось подняться пешком.

В кабинете начальника ВЦ собралась хорошая компания: секретарь горкома, секретарь райкома, секретарь парткома, другие начальники-коммунисты. Единственным беспартийным из собравшихся был я, руководитель проекта. Все очень волновались. Вернее, почти все.

Людям беспартийным секретарь горкома – не начальство, это всё равно что митрополит неверующему, и волноваться тут нечего. Я доложил свой проект, обращаясь к нему, как к родному. Рассказал, глядя прямо в глаза, как важна автоматизация в промышленности, какую уникальную систему нам удалось сделать. Человек он, казалось, явно неглупый; похоже, ему было важно прильнуть к живому проекту, вникнуть и понять, в чём его суть. После меня слово взял секретарь горкома и послал мяч обратно: рассказал всем собравшимся, как важна автоматизация. Коммунисты внимали, коммунисты кивали.

– Как правильно говорит товарищ... – секретарь горкома обращает свой взор ко мне.

– Леонид Ильич, – подхватываю я.

– Как правильно говорит товарищ Леонид Ильич, – автоматически повторяет секретарь горкома и замолкает.

Мимолетная, или, как в музыке называют, люфт-пауза...

Все, включая секретаря горкома, смеются. Доклад прошёл хорошо.

На банкет меня не позвали, да банкета и не было. Наступала эпоха сухого закона имени секретаря ЦК по идеологии и пламенного борца за трезвость товарища Егора Кузьмича Лигачева. У нас в отделе на междусобойчиках появилась традиция: не пить без секретаря партбюро, чтобы не заложил. Хоть и свойская была женщина («свойской бабой» математика-программистку с университетским образованием ведь не назовёшь), своя в доску, но без неё не начинали, ждали, когда придёт с очередного совещания по борьбе с пьянством и алкоголизмом.

Пришло время кооперативов и маркетинга, брендов и банкинга. Все стали учиться новой экономике на своих ошибках. Была у меня идея: организовать, скажем, фирму под названием «Академия наук», возглавить её и назначить себя на должность президента. Тогда это было законно. Тогда можно было всё, стоило только захотеть. Президент Академии наук – звучит неплохо, хотя и амбициозно. Почему-то я не стал этого делать и свою инженерную фирму назвал скромнее.

Все мы понимаем, что абстрактного равенства не существует, всегда у кого-то есть преимущества, и если ты хочешь, чтобы тебя заметили среди множества, ты должен чем-то выделиться. Леонид Ильич, казалось, канул в Лету, жизнь вообще кардинально поменялась, и нужно было искать другие приёмы и принципы.

Это несправедливо, но высокие и красивые имеют преимущество перед низенькими и уродливыми: при найме на работу, при выборе сексуального партнера, даже иногда при оценке ответа на экзамене... Иногда эти преимущества обращаются в свою противоположность. Кого чаще всего спрашивали в школе? Тех, кто стоят первыми по списку в классном журнале. Иногда – тех, кто в конце списка, но не в середине.

В эпоху бумажных телефонных справочников «Жёлтые страницы» фирму пришлось назвать словом на букву «А», чтобы увеличить вероятность того, что за услугой обратятся именно к тебе. Если ты думаешь о международной деятельности, желательно было использовать только буквы, которые совпадают с латинскими. Думается, бухгалтерская программа 1С победила в конкуренции аналогичные продукты не в последнюю очередь благодаря своему названию, которое начинается с единицы, потому что цифры в поиске идут даже раньше букв.

И вот Леонид Ильич стал во всех смыслах неактуален, в течение многих лет моего тёзку забывали. Скажешь, знакомясь, со значением: «Леонид Ильич» – никакой реакции. Или того хуже: «Ленин, что ли?» – это молодёжь, конечно.

Но время идёт, и недавно всё стало меняться в лучшую сторону. Стою я тут на Экономическом форуме. Попал на подписание нашим губернатором учредительных документов отраслевого кластера, что бы это слово ни значило. Роль моя скромная: создавать толпу, поддерживать нашу председательницу кластера, вот я и стою поодаль, в группе таких же рядовых товарищей по кластеру. Губернатор тоже не одинок: с ним внушительная группа чиновников. Председательница кластера и губернатор подписывают документы, пожимают друг другу руки, поздравляют друг друга и всех присутствующих, чиновники окружают губернатора и начинают обсуждать с ним какие-то свои дела. И тут вдруг председательница вырывается из окружения, подходит к группе поддержки, то есть к нам, и звонким голосом комсомолки 80-х говорит:

– Спасибо вам, дорогой Леонид Ильич, за поддержку.

Внезапно губернатор вскидывается, как молодой конь, расталкивает чиновников, чеканным шагом направляется ко мне, хватает мою руку и крепко-крепко жмёт её.

– Поздравляю! – говорит он.

– Всегда! – рапортую я.

– Что это было? – спросил я у председательницы, когда мы пошли отмечать успешное создание новой структуры.

– Наверное, магия имени, – ответила она. – Все мы из того времени.

Швейцарское пиво

– Скажи-ка, Вася, ведь не даром, – говорю я Васе, и Вася понимающе кивает и запекает:

– Ох, не да-ро-ом, ох, ох не да-ро-ом, – чем меня немало удивляет: эта песня про русскую красавицу, от которой меня тошнит с юности, по возрасту никак не должна быть ему знакома.

Не хочу знать, что имел в виду Вася, но я намекал на бонус, который он получил за победу. Наши электронщики разработали продвинутый блок, а Васе удалось убедить заказчика включить в состав своего изделия именно наше устройство. Какие аргументы Вася применял, только ли технические, – это на его совести, но, когда комплексные испытания самолёта завершатся, наш блок навсегда останется в составе изделия, и конкуренты не смогут его заменить, разве только сертифицировать весь самолёт заново, что нереально.

Мы сидим на борту парома из Петербурга в Хельсинки. Компания успешно завершила год, и мы таким путём отмечаем предстоящие новогодние праздники.

Шведский стол в корабельном ресторане, с его копчёным лососем и красным вином, с красной икрой, которую рекомендуют есть в сочетании с луком и сметаной, сделал всех ленивыми и добродушными. В таких случаях тянет на охотничьи рассказы, и Вася, мой постоянный собеседник в долгих путешествиях, держа бокал с красным вином за ножку и разглядывая на свет, подал мяч:

– В Советском Союзе красное вино пили?

Я усмехнулся:

– Только те, кто выёживался. «Бычья кровь» и «Гымза» – нормальный человек пить не станет: горькое и кислое.

– А что же пили?

– В школе – портвейн «три семёрки». «Девушка, дайте шесть семёрок, пожалуйста!» В институте – водку, а кто побогаче – коньяк. Настоящее сухое я впервые распробовал в Цюрихе.

– В Цюрихе? Расскажите, я ещё там не был!

– Ну, слушай тогда. Шеф взял меня с собой в качестве толмача, покупать оборудование. А директор завода дал шефу задание передать привет некоему иранскому бизнесмену со странным именем Сассон, у которого с нашим заводом были какие-то контракты. И ещё директор сказал шефу, что иранец даст счёт на любую сумму, чтобы можно было списать дополнительную валюту на командировочные расходы. Когда с основными делами определились, шеф велел позвонить Сассону. Тот был очень любезен, пригласил в пятницу вечером к себе домой и даже предложил подхватить нас из гостиницы.

– Вы по-английски разговаривали? – спрашивает наш новый сотрудник Родион.

– На фарси.

– Правда, на фарси? – Глаза Родиона расширяются.

– Да на английском, ну что ты, как маленький! – осаживает его Вася.

– А почему, если он иранец, у него дом в Цюрихе?

– Богатый иранец, – говорит за меня Вася. Я молча солидаризируюсь.

– Ну, так вот, в пятницу я оделся получше, а именно в джинсы и кроссовки. Это были мои первые фирменные джинсы, хотя мне было уже к сорока годам. В юности на меня джинсов было не достать: фарцовщики привозили только ходовые размеры, на худых. Ну, а к джинсам, я слышал, полагаются кроссовки, которые продавались в том же шопинг-центре. К вечеру жара спала, стало темнеть, и тут нарисовался Сассон со своим «мерседесом».

– Это какой «мерседес»? – спрашивают оба моих собеседника чуть не хором.

– Вроде «мерседес-500», тогда все иномарки для меня были на одно лицо. Машина – это полдела, дальше интереснее. Ехали недолго, приехали к высокому забору, ворота волшебным образом отъехали в сторону и сами же за нами закрылись, и мы оказались возле дома на берегу Цюрихского озера. Мы переглянулись: крутое место. Вошли в дом: огромный холл, бронзовая люстра с хрустальными подвесками, мраморная лестница ведёт наверх... Шеф держит фасон, я стараюсь изобразить уверенность...

– Что будете пить? – спрашивает хозяин. Я было открыл рот сказать «кампари-оранж», но шеф меня опередил.

– Пиво, – говорит. – Очень люблю швейцарское пиво! – Будто не вчера его в ресторане впервые попробовал.

– Пиво хорошо после бани, – говорит Вася. – «Балтика» девятка...

– Я люблю «Очаковское», – подал голос Родион.

– Специалисты, моб вашу ять, – говорю. – В наше время было одно пиво, «Жигулёвское», да и то не достать. Я пиво не любил, но даже те, кто любил, называли его «моча молодого поросенка». В стройотряде в Казахстане как-то удалось попробовать чешский «Будвайзер» в бутылках. «Жигулёвское» дотуда не доезжало, взрывалось по дороге.

– Пиво? – растерялся хозяин. – Пойду спрошу у тёщи, может, у неё есть.

Пока он ходил, мы с шефом обменивались впечатлениями.

– Неплохо живут иранские бизнесмены, – говорит шеф. – Только пиво не пьют.

– Они вообще пить не должны, потому как мусульмане, – вспомнил я что-то из жизни персов.

– Да брось ты, ещё как пьют: и азербайджанцы, и татары, и абхазы – только наливай.

– Так то советские, у аятоллы Хомейни с этим строго!

– Вот они в Цюрихе и живут. Наверное, выпить любят.

Вернулся хозяин с тремя бутылками: у тёщи нашлось пиво. С бокалами в руках мы отправились бродить по дому. Дверь на озеро вывела в зелёный травянистый дворик, и по мосткам, мимо летнего домика, мы подошли к эллингу с двумя висящими на подъёмниках яхтами. Тем временем на улице заметно стемнело. Комаров, однако, не наблюдалось. По мосткам направились обратно в дом допивать своё пиво.

– Скоро придут гости, будет небольшая компания, – известил нас Сассон. – Вот и они!

– А какой это год? – спрашивает Родион.

– То ли восемьдесят девятый, то ли девяностый. Ты ещё не родился!

– Да нет, уже родился, грудничком был.

Так вот. Навстречу по мосткам приближался худощавый парень, на вид лет тридцати с хвостиком. Хвостик не на голове, причёска офисного менеджера типа яппи. Лет тридцати пяти – до сорока, скажем. От его уверенной манеры держаться, от запаха его одеколona веяло заграницей; собственно, это заграница и была. Одет он был в светлую рубашку без единой морщинки, светлые брюки и коричневые ботинки. Мне казалось, ботинки сами за себя говорили: «мы очень дорогие». На мгновение мне стало неуютно в своих джинсах и кроссовках, тем более что хозяин был одет приблизительно как и его гость, да и шеф, я вдруг заметил, тоже был одет вполне по-вечернему.

– Он юрист, – шепнул мне на ухо Сассон, – а вот и его жена.

На ней маленькое, на ладонь выше колен, жёлтое в обтяжку платье, с виду простое, но сама она увешана, как новогодняя ёлка: золотые цепочки, браслеты, серьги и перстни с блестящими камушками – все, правда, не массивное, а довольно тонкое и элегантное. Холёная женщина без возраста.

Мы развернулись и все вместе направились в одноэтажный летний домик, который оказался не таким уж домиком: пара гостиных, одна побольше, другая поменьше, обставленных вполне по-городскому, обеденный зал с большим столом человек на 15 и туалет. В туалете я наконец-то почувствовал себя уютно: он напоминал мне наш дачный туалет в садоводстве на Карельском перешейке. Нет, конечно, там не было выгребной ямы и очка, прикрытого плашкой, выпиленной из широкой доски с ручкой, это был ватерклозет, но стенки были обиты чем-то вроде прессованного картона, а пол деревянный. Там я перевел дух и собрался с мыслями, снова перестроился на заграничную волну и вышел к гостям, которых стало уже больше.

Шефа я нашёл в этот момент вполне самостоятельным: он сидел рядом с Сассоном в компании двух других мужчин иранского вида, перед каждым была чашка чая с листочком мяты, и они как-то находили общий язык. Впрочем, в основном это был язык молчания и колец сигаретного дыма. Я хотел прийти ему на помощь, но меня перехватила жена юриста и скомандовала идти в малую гостиную.

Оглядываясь на шефа, я отправился за ней. Мы расположились на просторных диванах по обе стороны журнального столика, и она закинула ногу на ногу.

«Иранские женщины игнорируют исламскую революцию», – подумал я, отводя глаза от её коленей, продолжающихся всё выше и выше до бесконечности.

Мне было уже к сорока годам, но тут я вдруг почувствовал себя подростком: не знал, что сказать и что делать. Вела она себя как-то слишком... откровенно, что ли. В планах у меня

совершенно не значился флирт, тем более с иностранкой, тем более с иранкой, к тому же муж где-то в соседней комнате. К тому же она не в моём вкусе.

Иранка достала сигарету. Я выхватил одноразовую зажигалку с раздевающейся женщиной – мы с шефом накупили таких для сувениров, а я держал её для шефа, он свои всё время терял – и дал ей прикурить. Она посмотрела сначала на зажигалку, потом прямо мне в глаза и на понятном английском сказала неожиданно:

– Ну, расскажи, как живут евреи в Советском Союзе!

У меня отлегло. Это другой коленкор.

«Похоже, они не иранцы... – пронеслось у меня в голове. – Опять же пятница вечером... „И каждую пятницу, как солнце закатится, кого-то жуют под бананом...“»

Тема была знакомая. Я, собственно говоря, еврей, по крайней мере, так было записано в советском паспорте в графе «национальность».

– Что, правда такая графа в паспорте была? – удивлённо спрашивает Родион.

– Ты что, не знаешь, ну прямо как маленький, – отвечает за меня Вася. – Ах, да ты и вправду маленький!

– Была графа «национальность», а в анкете это шло пятым пунктом, – добавляю я, – и этот пятый пункт портил жизнь многим. Но речь не об этом.

– Вот видишь, – говорю я псевдоиранке, – как перестройка началась, даже за границу выпускают, государственный антисемитизм слабеет. А раньше в наш технический вуз была двухпроцентная норма приёма для евреев. Из трёхсот человек принимали не больше шести. В царской России и то норма была выше! И в партию не принимали, но, может, это и к лучшему? – пожаловался я, но собеседница шуток не поняла.

И я стал разворачивать широкую панораму жизни многонационального советского народа, составившую, по словам руководителей страны, единую общность, где все национальности были равны, но некоторые равнее. Не скрыл я от собеседницы и тот факт, что в компьютерной программе учёта кадров завода, где я работал, процентный состав евреев учитывался в отдельной справке.

Она смотрела прямо в глаза, кивала, но заинтересованность в её глазах стала постепенно угасать.

Вася и Родион тоже как-то поникли, задумались, но окончательно внимание пока не потеряли.

– Короче, меня выручило то, что всех позвали за стол. Нас с шефом, естественно, усадили рядом, ведь я должен был ему переводить.

– Шеф, – говорю, – это не иранцы, похоже, это евреи!

– Я знаю, израильяне! – шеф вдруг включил свой армянский акцент. – Патамучто мята это «нана» и на Кавказе, и в Израиле, и в Иране!

– Похоже, вы с Сассоном нашли друг друга!

– Классный мужик этот Сассон, с ним дела можно делать!

Все выпили, за столом стало шумно. Сассон через меня объяснил шефу, что несколько семей регулярно собираются здесь, в Цюрихе, по очереди у кого-то дома, отмечая шаббат, наступление еврейской субботы. Вообще-то, он живет на две страны: Швейцарию и Израиль. Семья Сассона переехала из Ирана в Израиль, когда ему было 13 лет. Очень нравились уроки английского языка: там он каждый день видел учительницу, женщину в юбке и с открытым лицом и руками, а не в хиджабе.

– Может, поэтому он так хорошо освоил английский, прямо как диктор! – вставил я в процессе перевода свой комментарий.

Перед самой арабо-израильской войной 1967 года Сассон пошёл в армию, воевал. Доказательством его армейской дружбы был его командир, Яшка, человек уже в возрасте, он приехал в гости из Израиля и сидел с нами за столом. Их строевой песней была «Наш ротный

командир» на русском языке. Яшка родом с Украины, ему было десять лет, когда семья переехала в Палестину, поэтому он к своим шестидесяти с гаком немного помнил по-русски. Слов строевой песни большинство солдат не понимало, но текст зубрили наизусть. Я такой песни не знал, поддержать их не мог, а после нескольких рюмок водки расслабился, забыл про джинсы и запел «Катюшу», «Шёл отряд по берегу», про Щорса, которые израильтяне, как оказалось, знали на своём языке, так что расстались мы весело и сердечно.

Хозяин заказал нам такси, а на прощанье подарил по видеомagniтофону: шефу настоящий, а мне – видеопроеигрыватель, каждый из которых стоил дороже, чем сумма, на которую мы рассчитывали получить квитанцию.

– Счёт на дополнительные расходы в валюте мы попросить постеснялись, – говорю я своим спутникам. – Но, как ни странно, эта случайная встреча породила много событий и была чревата всяческими жизненными перипетиями, характерными в кипящих девяностых. Мы несколько раз пытались начать совместный бизнес, Сассон знакомил нас с разными людьми, большинство из которых оказались аферистами, он даже подарил нам «мерседес», который забрал у папы одного будущего олигарха, и этот автомобиль, потом выяснилось, был с перебитыми номерами. В конце концов мы с ним нащупали нормальную, некриминальную тему, и бизнес завертелся, но об этом – в другой раз. А того юриста с женой встретить больше не довелось, но меня это не расстраивает.

Паром, не торопясь, двигался в сторону Финляндии. Мы допили наше красное и пошли в казино, которое работает на пароме всю ночь. В знак благодарности за внимание я выдал Васе и Родиону по десять фишек на удачу. Родион играл впервые и, как положено новичку, выиграл 300 евро – по-простому, на красном и чёрном.

Максим Кантор

Оттепель

Хуже нет, как начнёт подтаивать. Сегодня Пётр пошёл снег с крыши сгребать. Снег-то и потёк. А он в своих ботах так и пополз вниз. Лопатой цепляется. А за что удержишься? Не за что особенно. Покричал, чтоб руку дали. Ну, дураков нету за ним лезть. Да и не успеешь. Хоть он не быстро полз.

Народ с троллейбусной остановки смотрит: сползёт? нет? Сполз.

Полетел.

И ладно бы в сугроб. Бывает, выживают. А сегодня сугробов-то нет. На лестницу упал, у парадного. Хуже нет – упасть на лестницу: сразу нога выскакивает, череп ломается и мозги текут. Почему я и говорю: не люблю такую погоду.

Валерий Копнинов

Прошлогодний снег в охалке

Стрелки показывали без четверти двенадцать. Но Пашка в обман не вдавался, он знал – настенные часы уже давненько не ходят. Случилась эта неприятность после того, как из них исчезли батарейки. А без батареек часы стали только с виду похожи на часы. И что тут поделаешь? Как исправишь? Были бы они ну хоть механические, что ли, чтобы ключиком заводились, а так...

В свои неполные семь лет Пашка сплошь и рядом проявлял себя мальчишкой сообразительным и, что немаловажно, самостоятельным. Вот и сейчас в ситуации, когда какой-либо прибор, тоже показывающий время, в доме отсутствовал (микроволновка, ранее выручавшая своим таймером, испортилась и доживала свой век простым шкафчиком), Пашка догадался включить телевизор, по которому можно было при определённом терпении и внимательности как-то сориентироваться во времени.

Мама ушла, лишь только рассвело (часы и тогда ввали про двенадцать без четверти), и с нею, конечно, увязался дядя Серёжа, прозванный их соседями «приблуда», а мамой именуемый – Сереня.

Сам же дядя Серёжа называл себя маминым мужем, а от Пашки требовал величать его папой. Но Пашка знал, что его настоящий, хороший папа – погиб.

– Мам, ты надолго? – крикнул Пашка в спину уходящей матери, выскочив вслед за ней босиком в холодные сени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.